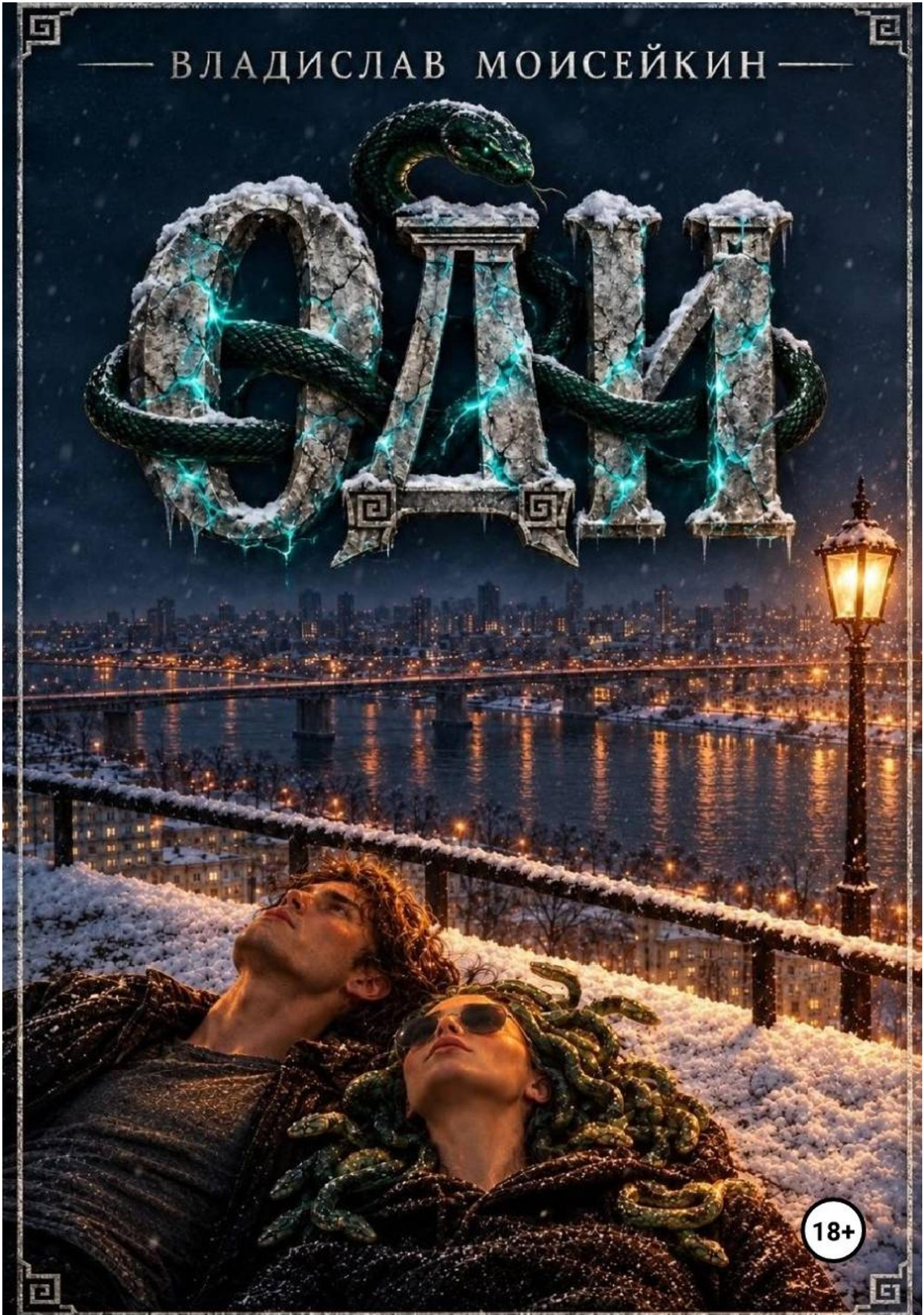
ВЛАДИСЛАВ МОИСЕЙКИН

ЭДИП

18+

Владислав Моисейкин

Оди

«Автор»
2026

Моисейкин В. В.

Оди / В. В. Моисейкин — «Автор», 2026

Девятнадцатилетний курьер запрещённых артефактов Саша «Тихий» случайно находит в тоннелях новосибирского метро девушку-горгону по имени Оди, которая прячется от спецслужб УКАР и криминального подполья. Чтобы спасти её от проклятия и себя от долгов, он спускается в Потаённый Город духов, ныряет на дно Обского моря и заключает сделку с древней ведьмой - но цена свободы оказывается выше, чем он мог представить.

© Моисейкин В. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. "Путь" 6
Глава 2. "Змея и картина" 11
Глава 3. "Горгона Сибири" 17
Глава 4. "Попался" 22
Глава 5. "Упрямый дурак" 28
Глава 6. "Одиссея" 33
Глава 7. "Не верю" 37
Глава 8. "Долг" 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Владислав Моисейкин
Оди

От автора к читателю

Дорогой читатель, прежде чем ты начнешь это путешествие, мне хотелось бы коротко обозначить свою позицию. Эта книга - художественное произведение, и её герои, их поступки и слова рождены потребностями сюжета, а не целью пропаганды чего-либо.

Хочу четко заявить: как автор, я не поддерживаю и не одобряю насилие, злоупотребление психоактивными веществами (алкоголем, табаком) или иные формы вредоносного поведения. Я убежденный сторонник традиционных семейных ценностей, и моя книга не является пропагандой деструктивных культур или иных идеологий, противоречащих этому убеждению.

Благодарностиь

От всей души благодарю людей, чья поддержка сделала эту книгу возможной.

Мара Стеллар, прекрасный автор фэнтези, - спасибо тебе за твою веру в меня. Ты лучший бета-ридер на свете, и твой вклад в эту книгу неоценим.

Канал «Шепот страниц» и его владельца - благодарю за колоссальную поддержку, о которой любой начинающий автор может только мечтать. Я очень рад нашему знакомству и желаю процветания твоему делу.

Алена Несмеянова, жена моего лучшего друга, - ты первая, кто прочел все мои книги. Твоя поддержка значит для меня больше, чем ты можешь представить.

Я благодарю всех, кто поддерживает меня на этом пути. Вас много, и я не смогу перечислить каждого, но знайте: я помню всех, кто хоть как-то помог мне. Возможно, без вас не было бы и этой книги. Спасибо вам!

Приятного чтения!

Глава 1. "Путь"

– Ненавижу проклятые вещи. Не могли дать нормальный заказ.

Я брел по Красному проспекту, сжимая в кармане небольшой свёрток. Он обжигал ладонь, но положи я его просто в карман – сволочь будет фонить магией, и я тут же спалюсь. Внутри, завернутый в три слоя свинцовой фольги и залитый чёрным воском, лежал отрезанный палец. Не абы чей. « мизинец левой руки колдуна третьего круга, предположительно, потомка Распутина», – как по бухгалтерски уточнил мой наниматель, мужик в дорогом пальто и с глазами мороженного судака. Он же добавил, что если я его потеряю, то мои пальцы пойдут ему на сувениры. Шутник херов.

Я шёл, пытаясь вести себя как все эти сотни людей, плывущих вечерним потоком. Студент, уставший после пар. Разносчик, спешащий с доставкой еды. Кто угодно, только не парень, несущий в руке кусок проклятого трупа, из которого сочится остаточная магия, жалящая кожу будто крапивой.

Новосибирск в вечерние часы, как обычно, бурлил. Воздух дрожал от магии, как в старых книгах, пропитанный, как промокашка, грязными чернилами. От зданий сталинской постройки веяло сладковатым запахом застывших оберегов и сглазов – их закладывали в фундаменты ещё тогда, надеясь, что строения будут стоять вечно. Теперь эти чары прогнили, как и балки этих зданий, и фонили тихой, незаметной для простых обывателей, но такой вонючей для сведущих. Стекляшки новостроек отражали не только закат, но и случайные цветные всполохи, где-то на верхних этажах кто-то колдовал, не заботясь о маскировке. По дороге проносились машины, некоторые с едва заметными руническими бликами на номерах – платный глиф на искажение в камерах дорожного движения. Естественно, незаконный.

Я свернул с проспекта в сторону метро «Площадь Ленина». Моя цель находилась на левом берегу, в одном из домов-кораблей улицы «Горская». Кратчайший путь – по прямой, через мост. Но мосты в этом городе не просто инженерные сооружения. Коммунистический, Октябрьский… они были точками силовых линий. Управление Контроля Аномальных Ресурсов, сокращенно УКАР, любило там дежурить, смотря в камеры с фильтрами на остаточный магический фон. Тащить через них пылающий артефакт – всё равно что входить в рамку металлоискателя с пистолетом.

Поэтому я шёл в метро. Подземка – другой мир. Лабиринт, сотканный из шума, людского пота, магнитных полей и древнего, еще до-городского страха темноты. Идеальная маскировка.

На моём лице сидели очки, обычные на первый взгляд, круглые, в тонкой стальной оправе, чуть затемнённые. «Сглаз». Запрещённый артефакт третьей категории. Не мои, разумеется. Выданы под запись и под угрозой расправы над моей задницей… в который уже раз? Нужно завести блокнотик и записывать туда каждого, кто угрожает мне смертью, а моей жопе – паяльником. Шутки у моих работодателей всегда отличались особой красочной конкретикой.

Я прикоснулся к дужке, нажав на крошечный выступ. Мир немного изменился.

Визуальный шум улицы чуть отодвинулся, стал фоновым. Зато проступило другое. От асфальта потянулись тусклые, серые нити – следы тысяч ног, эмоциональный шлейф усталости, раздражения, редких всплесков радости. Стеклянные витрины засветились призрачными голограммами несуществующих товаров – отзвуки старых рекламных заклятий. А на стенах зданий проявились шрамы. Глубокие, цветные прожилки – отголоски магических воздействий, стычек, невидимых глазу. Там, где висела вывеска банка, пылал оранжевым синяк давно рассеянного проклятия на банкротство. Возле подъезда одного из домов зияла тёмно-синяя воронка – место сильного испуга, может, даже смерти, впитавшееся в камень.

Вдруг в кармане загудел телефон, заставив меня вздрогнуть. Я достал потрепанный Сименс. На экране – «Мама».

– Алё, мам, – голос мой прозвучал хрипло.

– Сашенька, ты где? Еду ставить?

– Я… в институте. С курсовой засиделся. Не жди, поем тут.

– Опять до ночи? Ты, смотри, не забудь поесть нормально, не на бутербродах.

– Не забуду. Целую.

– И тебя, родной.

Я отключился и вздохнул. «В институте». Ложь, которую я повторял уже год, с тех пор как меня отчислили за прогулы. Прогулы, потому что я метался по городу, пытаясь найти деньги на её таблетки и квартиру после смерти отца. Теперь я вожу запрещённые артефакты и говорю ей о «стипендии». Где-то там, на окраине города, она ставила на плиту кастрюлю и верила, что её сын – студент с будущим. А не мелкий преступник в подземной помойке.

Я спустился в метро. Воздух сменился на тёплый, с привкусом железа и машинного масла. Людской поток унёс меня вниз по эскалатору. Здесь «сглаз» работал иначе. Сияние было приглушённым, но плотным. Силовые линии, питающие составы, тянулись по потолку туннелей мерцающими голубыми жилами. А на стенах, под слоем плитки и рекламы, проступали контуры – чёрные, пульсирующие. «Тени» – отпечатки событий. Вот здесь, у турникетов, года три назад мага-неудачника прижали сотрудники УКАР – два тёмных, угловатых силуэта, сжимающих третий, дрожащий. Силуэты были бледными, но «сглаз» вытаскивал их на свет, как старую плёнку.

Я прошёл через турникет, сжимая в потной ладони свёрток. Очки подсказывали путь, хоть и не самый короткий, но оптимальный. Зелёная, едва заметная нить-призрак висела в воздухе, указывая в сторону перехода на красную ветку. Там, судя по мерцанию стрелки, был сейчас наименьший контроль. УКАРовские сканеры, вмонтированные в камеры наблюдения, имели слепые зоны – места, где потоки магии от движущихся поездов создавали «помехи». «Сглаз» эти помехи видел и вёл меня сквозь них, как по кочкам через болото.

В вагоне было душно. Я прислонился к стеклу, стараясь не смотреть на людей в упор. Через очки это было… тяжело. У каждого был свой ореол. Тусклый, серо-голубой – усталость. Вспышки жёлтого раздражения у мужчины в костюме, тыкающего в телефон. Розоватое, дрожащее пятно страха у девочки-подростка, едущей одной. И один парень, в углу, с наушниками – от него шёл ровный, холодный изумрудный свет. Спокойствие? Нет. Контроль. Самоконтроль мага, умеющего прятать свою суть. Наши взгляды встретились на секунду. Он едва заметно кивнул. Я отвел глаза. Свой своего видит. Но правила подземки – не лезть в дела других, если тебя не трогают.

Мой палец в свёртке будто пульсировал в такт стуку колёс. Глухая, назойливая вибрация. Древняя злоба, запертая в плоти. Я думал о том, кому и зачем понадобился этот кусок мертвеца. Для ритуала? Как компонент? Или как ключ? Колдуны не умирают просто так. Часть их воли, их знания застревает в теле, как радиация в костях. Отрезанный палец – это контейнер. И я был мальчиком на побегушках, который нёс радиоактивные отходы через город, надеясь, что контейнер не тряхнет и УКАР не заметит.

На Речном вокзале я вышел. «Сглаз» повел меня не к главному выходу, а в бок, в служебный коридор, где пахло маслом и сыростью. Здесь не было людей, только гудел вентилятор. На стене висела схема тоннелей, и мой взгляд автоматически выцепил на ней слабое, едва тлеющее пятно – след давней аварии, магического выброса. Безопасный путь огибал его.

Я уже почти расслабился, чувствуя близость финиша. Сдать этот проклятый палец, получить свои деньги и на неделю исчезнуть. Лучше всего – уехать, посидеть на берегу Оби, где магия была редкой и дикой, как полынь, а не вот этой вот гнилой городской прослойкой во всём.

Именно в этот момент очки дали сбой.

Изображение, ровно ведущее меня по коридору, вдруг дернулось, закружилось и раздвоилось. Потом вообще погасло. Картинка мира сквозь линзы замерцала, будто подёргиваемая помехами. Я замер, прижавшись к холодной стене. Сердце заколотилось. «Сглаз» был надёжной вещью. Такое могло означать только одно: мощное, активное искажение пространства или восприятия совсем рядом.

Я снял очки, протёр их, надел снова. Помехи не исчезли. Напротив, в конце коридора, где он упирался в глухую стену с граффити какого-то утырка, я увидел нечто новое. Сияние. Тусклое, фосфоресцирующее, цвета морской волны, словно живое и глубоко печальное.

Я присмотрелся, пришлось напрягать зрение через сбоящий «сглаз». Сосредоточившись, как только мог, я с удивлением обнаружил, что искажение, превратилось в рисунок. Маленькая девочка, сидела на стуле и расчесывала копну волос. Картинка, такая простая, но наполненная такой тоской и печалью. Словно работы художника, специализирующегося на безысходности и депрессии.

Логика, инстинкт самосохранения и все полученные знания за долгое время работы кричали мне одно: уходить. Каждый раз, когда в мои планы вмешивались какие-либо странности, все всегда выходило боком. Как любил говорить мой покойный отец: «Странные вещи привлекают внимание. Ты странный!»

Но было и другое. Проклятое, идиотское любопытство курьера, который привык слишком много видеть сквозь запретные линзы и заметил нечто необычное. И это сияние… оно было таким одиноким. Таким тихим на фоне всего городского грохота и гнили.

Я разжал пальцы, переложил пылающий свёрток в другую руку и, не отдавая себе отчёта, шагнул вперёд. Навстречу сиянию. Я дотронулся до расплывающегося изображения рукой.

Холод. Не такой, как от льда или ветра, а, скорее, внутренний холод, который рождается в самой ткани реальности. Он ударил по пальцам, мгновенно пробежал по руке, сжал сердце ледяной перчаткой. Моё тело дернулось, содрогнувшись от абсолютной, чужеродной пустоты, которой этот образ был полон. В этот самый миг раздался резкий, отточенный голос, разрезавший тишину тоннеля как лезвие:

— Парень! Ну-ка поди сюда.

Адреналин выжег холод за долю секунды. Я рванул руку от стены, как от огня, и обернулся.

На входе в технический тупик, перекрывая свет из основного коридора, стояли три фигуры в тёмно-серой униформе с малозаметными шевронами на плечах — стилизованная буква «У», обвитая щупальцами сканера. УКАР. С ними двое обычных полицейских в бронежилетах, руки на кобурах. Лица у всех были напряжённые, профессионально-холодные. Особенно у женщины, что стояла впереди — строгое, бесстрастное лицо, волосы, убранные в тугой пучок. Глаза смотрели на меня так, будто я уже преступник…

… Ну, допустим, да, но она то этого не знает.

– Молодой человек. Что вы здесь делаете? – спросила она, её голос звучал ровно, без эмоций, но в нём вибрировала невысказанная агрессия. Какая-то перманентная ненависть ко всему молодому поколению. – Предъявите документы.

Мозг, отравленный паникой, лихорадочно проигрывал варианты. Лечь, сдаться, соврать? Но на лице у меня – запрещённый «сглаз». В руке – свёрток с отрезанным пальцем колдуна, который сейчас, наверное, светится для их датчиков как новогодняя ёлка. И я только что трогал стену, как солевой наркоман. Я был ходячим набором уголовных статей и нарушений Административного регламента по контролю магической безопасности.

Я замер, пытаясь изобразить испуганного, заблудившегося студента. Но это было бесполезно. Взгляд женщины-инспектора скользнул по моей руке в кармане, потом по моему лицу, задержался на очках. Её глаза сузились.

– Очки. Снимите.

В этот момент сзади, из основного туннеля метро, донёсся нарастающий гул и скрежет. Подъезжал поезд. Свет его фар скользнул по стенам технического тупика, осветив на мгновение и меня, и сияющий след на стене, и бледные, решительные лица УКАРовцев.

Инстинкт, древний и неоспоримый, крикнул: «беги!»

Я не думал. Резко отступил на два шага глубже в тупик, будто в испуге. Видел, как руки полицейских потянулись к оружию, как женщина-инспектор резким жестом указала на меня.

– Стоять! На землю!

Я развернулся. Передо мной была глухая стена. Тупик. В отчаянии я метнулся вправо, туда, где в полу виднелся тёмный, полузакрытый решёткой люк – вероятно, спуск в ещё более старые коммуникации. Но было уже поздно.

– Стоять!

Я рванулся в сторону. Поезд в это время, с грохотом и визгом тормозов, остановился на платформе. Двери открылись. Шум людского потока, шагов, голосов ворвался в наш маленький, напряжённый мирок. Мой единственный шанс.

Я увидел, как хвост поезда, блестящий, покрытый пылью и граффити, остановился как раз напротив проёма нашего технического коридора. Между ним и краем платформы зияла чёрная щель около метра шириной. А за ним – тёмная пасть тоннеля.

Это было безумием. Самоубийством. Контактный рельс, ток. Но позади УКАР, а с ними – не просто тюрьма, а спец содержание. Допросы с «выяснением обстоятельств», после которых люди теряли не только свободу, но и частичку себя, памяти, дара, если он был. А у меня было что терять, и свои частички я никому отдавать не собирался.

Я сделал последний, отчаянный рывок назад, к выходу из тупика, прямо навстречу агентам. Они не ожидали этого. Женщина-инспектор вскинула руку, чтобы остановить своих. Я проскочил буквально в сантиметре от одного из полицейских, чувствуя, как его пальцы скользнули по рукаву моей куртки.

– Стой, чёрт! – закричал кто-то.

Но я уже оказался в основном коридоре. Прямо передо мной возвышалась арка, ведущая на платформу. И этот зовущий, тёмный прямоугольник за хвостом поезда.

Сигнал к отправлению прозвучал резко и пронзительно.

Я не раздумывал. Сердце колотилось так, что казалось, вырвется из груди. Лёгкие горели. В ушах стоял звон. Я видел лица людей на платформе – озадаченные, испуганные. Какой-то мужчина в костюме инстинктивно отпрянул, увидев меня, несущегося как угорелый. Девушка в наушниках широко открыла глаза.

Я подлетел к краю платформы. Где-то внизу поблёскивал контактный рельс – источник смертельного напряжения. Поезд дёрнулся, начиная медленное, неторопливое движение.

Это был последний шанс. Последний идиотский, сумасшедший шанс.

Я оттолкнулся изо всех сил.

Полёт длился меньше секунды но ощущался словно вечность. Я видел мелькающие под ногами шпалы, гравий, мусор. Чувствовал, как воздух в туннеле, сжатый движущимся составом, бьёт мне в лицо. Потом жёсткий, оглушительный удар. Я приземлился на кулаки и колени, ударившись о что-то твёрдое и скользкое. Боль пронзила всё тело. Свёрток вылетел из руки и покатился куда-то в темноту. Я инстинктивно вцепился в шершавую поверхность пола метро, нащупал проклятый палец, снова сунул его в карман и обернулся. На перроне поднялась небольшая паника. Люди ахали и отступали от безумного парня, сиганувшего на пути, а УКАРовцы уже были рядом.

Всё тело била крупная дрожь – смесь адреналина, ужаса и дикой, животной радости оттого, что я жив. Я был жив! Отчаяние, чёрное и густое, как эта туннельная тьма, начало подбираться к горлу. Я зажмурился, пытаясь дышать ровнее. В ушах стоял оглушительный грохот колёс, гул в замкнутом пространстве, вой воздуха.

Я глубоко вдохнул. Рванул с места. Вперёд, в сплошную, густую темень. Ноги скользили, я спотыкался о невидимый мусор, сердце колотилось о рёбра.

Вдруг «сглаз» ожил. Сквозь линзы мир заиграл призрачными серо-зелёными тонами секретного видения. Но главное, по полу, стенам, самому воздуху тянулся шлейф. След, дорожка, словно нарисованная невидимой флуоресцентной краской. Он светился тем же призрачным светом, что и стены, но был гуще, чётче, целенаправленнее. И вёл он не назад, к относительной безопасности. Он уходил вперёд, растворяясь в чёрной пасти тоннеля.

Это было нелогично. Бессмысленно. Любой скрытый путь должен вести к выходу, к свету, к людям.

Но «сглаз» показывал, что единственная невидимая тропа, единственный обходной путь в этой ловушке – в самую глубь, в никуда.

Леденящее недоумение сменило панику. Я выпрямился, не сводя глаз с пылающего в темноте следа. Этот шлейф стал теперь единственной путеводной нитью в кромешной тьме. Единственной надеждой, какой бы безумной она ни была.

Я шагнул вперёд, поставил ногу прямо на светящуюся линию. И пошёл по ней, в неизвестность, доверившись артефакту.

Глава 2. "Змея и картина"

Поезд пролетел мимо, и воздух ударил мне в грудь, отшвырнул к стене. Я вжался в выступ. Ветер рвал меня под колёса, и я едва удержался, вцепившись пальцами в желоб. Шум уполз вдаль. В ушах ужасно звенело.

Я проклинал себя, как и каждый раз, когда что-то в работе шло не по плану, обещая себе, в этот раз точно всё бросить. Но всегда умудряясь выкрутится, продолжал свою грязную работу.

И что теперь? Все станции наверняка закрыты. УКАР уже ищет меня по описанию, которое наверняка сообщили по всем постам. Скоро остановят движение и начнут прочёсывать тоннели. Куда бежать, когда времени остались считанные минуты, а идей, как действовать дальше, ноль.

Но «сглаз» работал. По полу тянулась светящаяся тропа. Она вела вперёд, в полную темноту. Это было безумие. Но выбора не было, и я упрямо бежал по призрачной дороге, не понимая куда и не видя ничего перед собой. Только тусклые лампы, висящие над служебными дверьми, немного освещали дорогу.

Вдруг «сглаз» резко повернул свою дорогу на право. Туннель стал уже, а стены обнажали кирпич. Под ногами хрустел мусор, но тропа вела без колебаний. Я добрался до небольшого тупика и нащупал железный люк, словно вход в отсек подводной лодки. С трудом подняв его, я с опаской заглянул внутрь. Дорожка вела вниз, в груди зарождался какой-то животный страх, замещающий адреналин. Но очки никогда не врали, и я полез по лестнице в отсек.

Спустившись вниз, пришлось спрыгнуть в темноту, надеясь, что лестница кончается не слишком высоко от земли. В этот раз почти повезло. Дно было близко, только воды оказалось по колено. Ледяная вода окончательно выбила бушующий адреналин, оставив только нервозность. Я никогда не был трусливым человеком, меня не пугали ни фильмы ужасов, ни угрозы расправы. Возможно, шутки родителей про мой аутизм были вовсе и не шутками. Но сейчас в моей груди остался только страх.

Но пути назад уже не было. При всем желании вернутся обратно, я просто не смогу достать до лестницы, с которой спрыгнул. Путь был только один. Вперед в неизвестность.

Я поплелся дальше, стараясь погасить очаг паники в моей голове. Руки и колени скользили по холодному, покрытому склизким налётом бетону. Коллектор был узким, приходилось продвигаться чуть ли не согнувшись пополам, прижимаясь к потолку. Вода хлюпала подо мной, пропитывая джинсы ледяной влагой. Дышать было тяжело, воздух пах ржавчиной, гнилью и сыростью, что сводило скулы. «Сглаз» в такой тесноте был почти бесполезен. Светящаяся тропа рассекала мрак прямо перед моим лицом, но я видел только следующий метр пути. Всё остальное тонуло во тьме, густой и осязаемой, как смола.

Перся я, кажется, вечность. Время в таких условиях теряется. Оно измеряется только биением сердца и нарастающим, липким ужасом. В голове кричал мой же голос, что я заперт под землёй. Что сверху меня ищут люди с оружием. Что я могу упереться в решётку, которую не смогу сдвинуть, и сдохну здесь, в темноте, с отрезанным пальцем колдуна в кармане. От этих мыслей дыхание сбивалось, в глазах темнело. Я останавливался, упирался лбом в холодную стену и пытался выдохнуть этот ком паники, потом снова шел.

И вдруг пространство над головой расступилось. Я выкатился из тесной трубы в просторный тоннель. Поднялся на ноги, пошатываясь. Здесь было выше, можно выпрямиться во весь рост. Я стоял, тяжело дыша, и смотрел вокруг. Это был не метрополитеновский тоннель, а более старый, возможно, до советский. Сводчатый потолок, сложенный из массивных, почерневших от времени кирпичей. Под ногами – каменная кладка, посередине которой тянулся

узкий сточный жёлоб с едва журчащей водой. Воздух, хоть и затхлый, пах иначе. В нём витал запах старой глины и сырой земли.

Я никогда не думал, что есть тоннели глубже. Под самим метро. «Сглаз», казалось, ожил. Светящаяся тропа на полу вспыхнула ярче, приобрела почти неоновую интенсивность. Она тянула меня вперёд, вглубь этого древнего лабиринта. В голове звучал чистый, неоспоримый импульс интуиции: туда. Обязательно туда. Это было даже не указание, а потребность, как жажда или голод. Я покорно пошёл, шлёпая мокрыми кроссовками по камню.

И вот тогда я услышал. Сначала это было похоже на шум в ушах, на отголосок бегающей по венам крови. Я остановился, затаив дыхание. Звук не исчез. Он шёл откуда-то спереди, приглушённый толщей стен и поворотами. Ритмичный, с чётким битом.

Музыка.

Я не поверил своим ушам. Галлюцинация. Слуховой обман на фоне стресса? Или я уже надышался какими-то подземными испарениями? Я снова тронулся с места, но теперь уже прислушивался. Звук нарастал. Пройдя с десяток метров, я уже мог различить мелодию. Узнаваемый синтезатор, плотный гитарный рифф, мужской вокал, пробивающийся сквозь эхо тоннеля. Это был тот самый трек. «30 Seconds to Mars», кажется, трек «A Beautiful Lie». Достаточно старый, чтобы считаться классикой, но всё ещё звучащий свежо и так же лип к ушам из каждого второго кафе и радио. А теперь она играла здесь, в подземной могиле.

Это было настолько абсурдно, что страх на секунду отступил, уступив место полному, оглушающему недоумению. Кто? Зачем? Как? «Сглаз» вёл меня сюда, но его тропа не прерывалась, она упрямо уходила дальше, прямо навстречу музыке. Инстинкт кричал, что это опасно, не лезь, это слишком странно. А странности всегда вели к неприятностям. Но что мне оставалось? Вернуться в узкую трубу и ждать УКАР? Или идти на свет и звук, надеясь на удачу?

Я двинулся на звук, он вёл меня по лабиринту. Пришлось свернуть в боковой проход, более низкий, потом спуститься по полуразрушенной каменной лестнице. Хорошо, что воды здесь почти не было, только сырость сочилась по стенам. Звук становился всё громче, отчётливее. Я уже различал слова.

И вот я вышел в ещё один коллектор, более сухой. Здесь пол был покрыт толстым слоем пыли, перемешанной с песком. И в конце этого коридора, метров через двадцать, горел свет. Тусклый, рассеянный, будто от экрана телефона или маленького фонарика. И оттуда же, теперь уже оглушительно громко, била в уши та самая песня.

Всё внутри сжалось в холодный комок. Я стоял, не двигаясь, вслушиваясь в этот контраст: древние камни, вековая тишина, пропитавшая эти стены, и относительно современный альтернатив-рок, заполнявший пространство, ударяясь об своды и возвращаясь многоголосым, искажённым эхом. «Сглаз» показывал, что тропа ведёт прямо к этому свету.

Я сделал шаг. Потом ещё один. Шёл медленно, стараясь не шуметь, хотя грохот музыки заглушал бы любой звук. По мере приближения я начал различать детали. Свет исходил из небольшого, но мощного фонаря, прикрепленного на магните к трубе. Он падал на стену, освещая небольшое пространство. Я увидел тёмный прямоугольник на камнях. Обычный смартфон в чёрном чехле. Он лежал экраном вверх. Рядом с ним – портативная колонка, тоже современная, брутального вида, в резиновом корпусе, но очевидно очень старая. Но она работала… Из неё и неслась музыка, выставленная на максимальную громкость.

Я подошёл совсем близко и остановился в десяти шагах. Сердце колотилось где-то в горле. Я смотрел на эту сцену: заброшенный тоннель, пыль, мрак и островок современного быта посередине. Телефон, колонка, свет экрана, выхватывающий из темноты клочок старой кирпичной кладки. И посреди этого островка я увидел хрупкую фигуру вышедшую из тени на свет.

Она стояла ко мне в пол оборота. Видно, что фигура идеальная. Не модельная, не выхолощенная, а... идеальная. Узкие плечи, стройная шея, скрывающаяся за капюшон чёрного худи,

свободно, накинутого поверх головы. Из-под него виднелась длинная, тёмная юбка до колен, простого кроя. Она была босиком, бледные, почти фарфоровые ступни стояли прямо на пыльном, холодном камне.

Девушка слегка пританцовывала. Едва уловимое покачивание в такт музыке, которое отзывалось лёгким движением капюшона. В правой руке, опущенной вдоль тела, она держала баллончик с краской, профессиональный, с широким соплом. Левая рука была поднята к стене с выставленным указательным и большим пальцами.

И она рисовала.

Не вульгарное, глупое граффити. Не было кричащих букв или примитивных персонажей. На стене, в луче света, рождалась картина. Русалка сидящая на камне, склонившая голову, и одной рукой расчесывающая невероятно густые, струящиеся волосы. Другая рука лежала на хвосте, чешуйки которого переливались даже в монохромном свете экрана. Взгляд её был устремлён куда-то вдаль, за пределы стены, в какую-то непостижимую тоску. Стиль был тот же. Тот же, что и изображение девочки на станции. Та же линия – то уверенная и чёткая, то дрожащая и прерывистая, как будто художник то контролировал каждый миллиметр, то отдавался на волю случайных брызг. Та же атмосфера безысходной, тихой грусти, пронизывающей весь рисунок.

Я заворожённо смотрел. На неё. На рисунок. На этот кусок неземной красоты, выросший посреди подземного ада. Всё внутри меня затихло. Даже страх на мгновение отступил, придавленный этим зрелищем. Я сделал шаг вперёд. Неосознанно, движимый каким-то магнитом. Потом ещё один. Хрустнул под ногой какой-то крошечный камешек.

Музыка как раз заканчивалась. Последний аккорд повис в воздухе, и в тот краткий миг абсолютной тишины, перед тем как из колонки должен был хлестнуть следующий трек, мой второй шаг был уже не таким осторожным. Я неловко шаркнул ногой о пол. Звук, тихий, но отчётливый в этой внезапной тишине, прозвучал как выстрел.

Девушка мгновенно замерла. Её спина стала неестественно прямой. Она не обернулась. Казалось, даже воздух вокруг неё перестал двигаться.

А потом она словно растворилась на том месте и материализовалась уже в полуобороте, в сторону от стены, в сторону тени. Скорость была невероятной, смазанной, как в плохо снятом кадре экшена. Одна секунда – она стоит у стены, другая – её силуэт уже сместился на три метра влево, в полутень. Я даже не успел моргнуть.

Что-то сбило меня с ног. Словно по ним ударило толстой боксерской грушей. Всё равновесие мира перекосилось. Я почувствовал, как ноги сами подкашиваются, и я падаю на спину. Удар о каменный пол отозвался глухой болью во всём позвоночнике. Воздух вырвался из лёгких со свистом.

И в это мгновение перед моим лицом возвысилась она.

То, что я увидел, не укладывалось в голове. Это не была девушка в худи. Это было нечто, вырвавшееся из самых тёмных мифов. Она нависала надо мной, изогнувшись неестественным, змеиным образом. Её кожа, там, где проглядывала из-под одежды – шея, запястье, была покрыта мелкими, плотными чешуйками, отливающими в свете экрана синевой и болотной зеленью. Её лицо... оно было искажено. Челюсть выдвинулась вперёд, обнажая ряды мелких, острых, как иглы, зубов, среди которых сверкали два длинных, тонких клыка. Губы оттянуты в грозном шипении. Из этого шипения доносилось сиплое, свистящее дыхание.

Но самое страшное, ее волосы. Вернее, то, что было на их месте. Вместо волос из-под капюшона, который теперь съехал, извивались, шипели и тянулись ко мне живые змеи. Они были тонкими, розовато-зеленого оттенка, с крошечными, горящими ненавистью чёрными глазками-бусинками. Их раскрытые пасти были не больше ногтя, но из них капала вязкая, прозрачная жидкость, пахнущая полынью и горьким миндалём.

Яд.

А её глаза были огромными. Слишком огромными для человеческого лица. И они сверкнули в полумраке, абсолютной, древней, бездонной яростью. В них не было ничего человеческого. Только холодная, хищная пустота, нацеленная на меня.

Я закричал. Звук вырвался из горла хриплым, сдавленным воплем, больше похожим на стон. Но тело моё не слушалось. Оно было скованно не просто страхом, а чем-то физическим, давящим, будто на грудь мне положили бетонную плиту. Я не мог пошевелиться. Не мог отползти. Даже зажмуриться. Веки отказались слушаться. Я был вынужден смотреть. Смотреть прямо в эту бездну, в это воплощение ужаса, которое вот-вот должно было обрушиться на меня. Я чувствовал холодное дыхание на своём лице, слышал коллективное шипение змеиных клубков над её головой. Ждал укуса, когтей, чего угодно.

И в этот миг что-то изменилось.

Она вдруг отстранилась. Резко, как будто её дёрнули за невидимую нить. Её змеиные черты не исчезли мгновенно, но начали таять. Чешуйки будто втянулись под кожу, становясь едва заметным рельефом, а потом и вовсе сгладились. Челюсть вернулась на место, острые зубы скрылись за сомкнувшимися губами. Зубы уменьшились, стали просто чуть более выраженными клыками. А змеи затихли, их шипение смолкло, они перестали извиваться и, кажется, просто повисли неподвижными прядями, постепенно сворачиваясь в подобие живых дредов.

И на меня взглянула девушка.

Божественной, невыразимой красоты теперь была передо мной. Высокие, чётко очерченные скулы, прямой, изящный нос, аккуратный, чувственный рот, сейчас слегка приоткрытый от удивления. А глаза были те же огромные, но теперь они не пылали яростью. Они были цвета морской волны, глубокие, прозрачные, и в них отражалось смятение. Полное, абсолютное непонимание. И удивление. Такое искреннее, детское удивление, будто она увидела не незнакомого парня в подземелье, а падающую звезду.

Она отстранилась ещё, продолжая смотреть на меня. Её взгляд скользнул по моему лицу, испуганной позе, очкам «сглаз», которые я всё ещё носил. В её глазах не читалось угрозы или страха, только чистое, незамутнённое любопытство.

А я больше не мог оторвать глаз от неё. Всё, что я видел до этого в своей жизни, все лица, все образы, всё, что я считал красивым или привлекательным, померкло. Растворилось. Осталась только она. Это лицо врезалось в сознание с такой силой, что даже остаточный страх куда-то испарился. Я лежал на спине, забыв о боли, о холоде, о гонящемся за мной УКАРе, о пальце колдуна. Весь мир сжался до этого тускло освещённого пятачка в тоннеле и её глаз.

Мы молчали. Звук снова пришёл в мир – далёкий плеск воды, моё собственное прерывистое дыхание. Из колонки так и не заиграла новая песня. Тишина между нами была густой, тягучей, полной невысказанного. Её бровь чуть приподнялась.

Я попытался что-то сказать. Открыл рот, но из горла вырвался только странный, хриплый стон. Мой взгляд скользнул вниз, туда, где из-под края её длинной юбки должно быть видно босые ноги.

Ног уже не было.

Там, где заканчивалась ткань, начиналось что-то иное, масштабное, мощное, покрытое той же сине-зелёной чешуёй, что мелькала у неё на шее. Это был хвост. Толстый, мускулистый змеиный хвост. Он не просто лежал на полу – его конец, полукругом обвивал мое тело. Не сдавливая, просто удерживая, холодный и неоспоримо реальный. Я не почувствовал этого раньше из-за шока, из-за адреналина. Но теперь я видел. Кольца чешуи слабо поблёскивали в свете упавшего на пол телефона.

Я замер, стон застрял где-то внутри и я просто уставился на слияние человеческого и чудовищного.

Она увидела направление моего взгляда. Её собственные глаза, только что полные смятения, вдруг сузились. В них вспыхнула мгновенная, дикая паника. Как будто я застал её за

чем-то ужасно постыдным. Она рванулась назад, и её хвост дёрнулся, сжимая меня крепче. Но движение было резким, неконтролируемым.

И она снова зашипела.

Этот звук был другим. Не угрожающим, а… испуганным. Но он снова обладал силой. Моё тело будто стало невесомым. Меня сорвало с места. Меня подбросило как пушинку, подхваченную ураганом. Спиной вперёд. Я увидел, как стена с рисунком русалки стремительно приближается, потом промелькнул свод потолка, и…

Тишина.

Я открыл глаза. Над головой было небо. Низкое, свинцово-серое небо декабря. В лицо бил резкий, холодный ветер с реки. Я лежал на спине. Подо мной была не каменная кладка, а мокрая, жёсткая трава, перемешанная с грязным первым снегом.

Я медленно, с огромным трудом, повернул голову. Рядом, в метре от меня, плескалась вода. Тёмная, почти чёрная вода Оби. У самого берега её уже начинала сковывать первая, хрупкая корка льда. Ледяные закраины тихо поскрипывали, нарастая на камни.

Я весь был мокрый. Куртка, джинсы, футболка под ней – всё пропиталось ледяной водой, будто меня вытащили из реки. Тело начало бить крупной, неконтролируемой дрожью. Зубы выбивали дробную чечётку. Я попытался подняться, опёрся на локти, и меня тут же вырвало. Из горла хлынула горькая, холодная жидкость. Я откашлялся, выплюнул остатки и с нечеловеческим усилием встал на колени.

Меня окружали только деревья. Голые, чёрные ветвистые скелеты ив и тополей, растущих по берегу. Позади, над самым обрывом, громоздились опоры и переплетения балок. Мост метро. Тот самый, который вёл с правого берега на левый. Я оказался прямо под ним, на узкой полоске берега, скрытой от глаз сверху и с реки.

Как? Как я попал сюда? Из глубины тоннеля, из-под земли – прямо на берег реки? Инстинкт заставил меня сунуть руку в карман куртки. Внутренний карман, куда я переложил свёрток. Карман был пуст. Я порылся в других. Ничего. Только мокрый бинт, старые семечки и потрёпанная магнитная карта метро.

Проклятого пальца не было.

Он остался там. В тоннеле. Или выпал где-то по пути сквозь землю. Или его забрала… она. Неважно. Его не было.

Теперь мне точно конец. заказчик в дорогом пальто не простит. Его шутки про сувениры из моих пальцев перестанут быть шутками. Меня найдут, даже без помощи УКАР. Найдут и сделают так, чтобы я стал примером для других нерадивых курьеров. Страх должен был накатить сейчас. Ледяной, парализующий ужас перед неминуемой расплатой.

Но его не было.

Вместо ужаса перед глазами стояло её лицо, которое я увидел в последние секунды перед тем, как меня швырнуло о стену. Не лицо чудовища с клыками и змеями. А лицо девушки. С божественной, неземной красотой и глазами, полными такого человеческого, такого понятного смятения и удивления, и паники. Паники от того, что её увидели.

Я сидел на коленях на промёрзшем берегу, трясясь от холода, и не мог думать ни о чём другом. Не о пальце. Не о заказчике. Не о том, как я выживу завтра. Я думал о том, как она отшатнулась. Как она подняла бровь. Как удивилась. Как был красив ее рисунок. Она была так же одинока и загнана в угол, как и я. Только её угол был страшнее.

Я поднялся на ноги, они подкосились, но я удержался, ухватившись за ствол ближайшей ивы. Стоял, прислонившись к шершавой коре, и смотрел на реку. На тёмную, тяжёлую воду, на которой уже танцевали первые льдинки. Мой телефон, конечно, разбился или утонул. «Сглаз»… я потрёпанно ощупал лицо. К моему удивлению, очки были на месте. Что бы со мной не случилось, они выдержали и удар, и мое перемещение на другой берег.

Я оттолкнулся от дерева и неуверенно побрёл вдоль берега, под мостом. Нужно было найти выход наверх, к людям, к хоть какому-то теплу. Но мысли упрямо возвращались к одному. Она не напала на меня. Она испугалась. Испугалась меня. И этот испуг, эта растерянность… они были настоящими. Более настоящими, чем любой ужас, который я видел в её облике до этого.

Впервые за долгое время у меня появилось нечто, что было сильнее страха. Назойливое, жгучее любопытство и желание вновь увидеть это лицо.

Глава 3. "Горгона Сибири"

С трудом. Это слово определяло всё. Каждый шаг по асфальту, отдававшийся ноющей болью во всём теле. Каждое движение мокрой, налитой свинцом куртки. Метро было для меня закрыто наглухо. Даже мысль спуститься под прицелы камер и бдительные взгляды дежурных вызывала приступ паники. Такси? Я посмотрел на своё отражение в витрине магазина – бледное, осунувшееся лицо, слипшиеся волосы, одежда, из которой сочилась грязная вода прямо на тротуар. Ни один вменяемый водитель не взял бы такого пассажира, даже за тройную плату.

Оставались автобусы. Я снял куртку, отжал её, спрятавшись в переулке, выкручивая ткань до хруста в пальцах. Вода была ледяной, с запахом реки и подземной ржавчины. То же самое проделал с кофтой. Одежда стала хоть немного легче, но холодная, липкая влага осталась внутри, просочившись до самой кожи. Я надел всё обратно. Ощущение было отвратительным, будто закутался в мокрый, грязный компресс. Дрожь, которая начала отступать на берегу, вернулась с новой силой, мелкая и неконтролируемая.

В первом автобусе я проехал стоя в самом конце, у выхода, стараясь не прикасаться к людям и не оставлять лужу на полу. Меня провожали недоумённые, а где-то и брезгливые взгляды. Я уставился в окно, но не видел города. Перед глазами проплывали тёмные своды, луч света от упавшего телефона и силуэт у стены. Я тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение. Нужно было думать о практическом. Хотя бы о потерянном телефоне и сим-карте.

Телефон, скорее всего, остался на дне Оби или был разбит в щепки под мостом. Без связи я был абсолютно отрезан от нанимателей, что было сейчас к лучшему, но и от всего мира. В любом легальном салоне связи у меня бы потребовали паспорт для восстановления номера. А паспортные данные в системе – это первое, что проверяет УКАР, если начнёт искать конкретного человека. Нет, легальный путь не подходил.

Я вышел на одной из остановок для пересадки, здесь, среди павильонов с дешёвой одеждой и ремонтом телефонов, работали другие точки. Полуподпольные. Я зашёл в одну такую, с вывеской «Ремонт любой сложности». За прилавком сидел мужчина с усталым лицом и пальцами, жёлтыми от никотина.

– Чистую симку нужно, – сказал я тихо, без предисловий. – Белую...

Он оценивающе посмотрел на меня, на мою мокрую, грязную одежду. Кивнул. Никаких «документиков», никаких «ваш номер». Просто достал из-под стола коробочку с пластиковыми карточками, вытащил одну.

– Тысяча за симку.

– И телефон. Самый простой.

– Еще две.

Ужасный грабеж, но выбора особо не было. Я отдал деньги, последние, что были на карте. Он вскрыл упаковку, вставил сим-карту в старенький кнопочный телефон, показал мне номер, написанный на упаковке. Всё. Пять минут, и у меня снова была связь с миром. Хрупкая, анонимная, но связь.

Парень спросил у меня номер телефона, который я хотел восстановить и сообщил, что будет активен через сутки, хотя бы это радовало.

Я вышел, сунув телефон и упаковку в карман. Ощущение было странным – будто снова обрёл какую-то почву под ногами, пусть и зыбкую. Небольшое, но облегчение.

Дальше снова автобусы. Пересадка, томительное ожидание на ветру, короткие переезды. Город проплывал за окном вечерней, спешащей куда-то массой огней. Я видел всё это как сквозь толстое, грязное стекло. Мозг отказывался воспринимать привычную реальность. Он был там, под землёй. В тишине, нарушаемой только плеском воды и моим дыханием. И перед глазами, снова и снова, всплывало её лицо.

Я добрался до района лишь к вечеру. Серые пятиэтажки, знакомый двор, облезлая детская площадка. Каждый шаг по лестнице к квартире на третьем этаже давался с невероятным усилием. Ноги были ватными, в висках стучало. Я остановился перед дверью, прислонился лбом к холодному дереву, пытаясь собраться, стряхнуть с себя всё, что случилось. Нужно было войти другим человеком. Студентом, уставшим после института. Не тем, кого только что выплюнула река после встречи с подземной... Горгоной?

Я открыл дверь. В прихожей пахло варёной картошкой и лавровым листом. Мама вышла из кухни, вытирая руки о фартук. Увидела меня, её лицо сразу исказилось. Глаза округлились, губы задрожали. Она сделала шаг ко мне, и её рука инстинктивно потянулась к груди, к области сердца.

– Сашенька! Господи, что с тобой?! Ты весь мокрый! Ты где был?! – её голос сорвался на высокую, испуганную ноту.

Паника в её глазах была настоящей. Я увидел в них ужас перед непонятным, перед тем, что угрожает её ребёнку. Это пронзило сильнее любой усталости, хотя обычно только утомляло и раздражало. Мне девятнадцать лет, а она все боится, что ее сыночку-корзиночку собачка покусает.

Я заставил себя улыбнуться. Натянуто и очень неловко.

– Всё нормально, мам. Спокойно, – мой голос прозвучал хрипло. – Автобус проехал мимо лужи. Такой фонтан… с ног до головы. Прямо на остановке. Прикинь!

Я развёл руками, демонстрируя свои мокрые, запачканные брызгами грязи джинсы. Ложь лилась легко, отточенная месяцами практики. Но сегодня она жгла горло.

– Да как же так?! – Она засуетилась, пытаясь помочь мне снять куртку. – Замёрз ведь совсем! Сейчас, сейчас я поставлю суп греть. Иди, переодевайся быстро, в душ, горячий душ!

Её тревога, её суета были островком нормальности в моём перевёрнутом мире. Я позволил ей снять с меня куртку, бормоча что-то успокаивающее. Потом пробрался в свою комнату, захватив из шкафа чистые вещи: старый спортивный костюм, майку, носки. Всё тёплое, мягкое, пахнущее домом.

Ванная комната была маленькой, облупленный кафель, запотевшее зеркало. Я включил воду, дождался, пока пойдёт горячая. Пар начал заполнять пространство. Я скинул с себя мокрую, холодную, пропахшую рекой и страхом одежду, свалил её в углу. Залез под душ.

Горячая вода обожгла кожу. Я вздрогнул, но не отшатнулся. Позволил струям бить по голове, по плечам, по спине. Тело постепенно оттаивало, дрожь начала стихать, сменившись глубокой, пронизывающей усталостью. Я стоял, упёршись ладонями в кафельную стену, и закрыл глаза. Вода стекала по лицу, смывая грязь, песок, запах подземелья. Но смыть воспоминания было невозможно.

Они нахлынули с новой силой, как только внешний шум и холод отступили. Её лицо. Не в момент ужаса, не в момент превращения. А потом. Когда оно было человеческим. Совершенным. Высокие скулы, изящный изгиб бровей, губы, слегка приоткрытые от удивления. И глаза. Боги, эти глаза. Цвета морской волны, глубокие, прозрачные. В них было столько всего: смятение, растерянность, грусть, та самая древняя печаль, что была на её рисунках. И в самый последний миг – паника. Чистая, детская паника от того, что её увидели.

Как же она была красива. Это не красота актрис с обложек или моделей с глянцевых билбордов, накачавших себе губы и выглядящих, словно под копирку. Это было что-то иное. Что-то первозданное и хрупкое, как утренний лёд на водной глади. Что-то трагичное и величественное одновременно. Красота, которая рождалась не для того, чтобы ею любовались, а которая существовала вопреки всему.

Я вспомнил, как её хвост, холодный и чешуйчатый, лежал у моих ног. Как её «волосы» шевелились и шипели. И рядом с этим – её неуверенный жест, когда она взглянула на мои очки и на свой рисунок. Её вопрос без слов.

Под струями горячей воды меня снова начало трясти. Но теперь это была не дрожь от холода. Это была внутренняя буря. Противоречивые чувства бились внутри, не находя выхода. Страх, смешанный с острейшим любопытством. Желание бежать как можно дальше и одновременно неодолимое, иррациональное желание вернуться. Увидеть её снова. Не для того, чтобы что-то доказать или спасти. Просто… чтобы увидеть. Чтобы убедиться, что это не галлюцинация. Что она действительно существует.

Мысль была безумной. Самоубийственной. У меня не было ни пальца, ни денег, ни защиты. У меня только голый интерес и какое-то щемящее чувство, которое я даже не мог назвать. Но оно было сильнее страха перед заказчиком, сильнее страха перед УКАР.

Я выключил воду. Внезапная тишина в ванной оглушила. Я вытерся грубым полотенцем, запах которого был таким знакомым и обыденным, что казался сейчас пришедшим из другой жизни. Надел чистую, сухую, тёплую одежду. Она мягко обняла тело, но внутри пустота и смятение остались.

Вышел в коридор. Из кухни доносился запах горячего супа и звук закипающего чайника. Мама что-то бормотала себе под нос, скорее всего, ругая невнимательных водителей. Этот бытовой шум, этот свет из кухни, эта забота – всё это было моим домом. Моим якорем. Но сегодня якорь будто оторвался от дна. Я стоял в коридоре, и мне казалось, что я всё ещё там, в сыром тоннеле, а всё это — лишь сон.

Я прошёл на кухню. Мама поставила передо мной тарелку с дымящимся супом.

– Ешь, пока горячий. Согреешься

Я сел, взял ложку. Вкус был знакомым, родным. Но я ел автоматически, почти не ощущая вкуса. Мои мысли витали далеко. Они искали пути назад. В подземелье. К ней.

Это было безумием. Но именно это безумие сейчас казалось единственным, что имеет смысл. Всё остальное – курьерская работа, деньги, страх, бегство — померкло, потускнело, стало ненужным фоном.

Поев, механически отправляя в рот ложку за ложкой, в то время как мама кружила вокруг, закидывая меня вопросами. «Как занятия?», «Что с курсовой?», «Почему такой измученный?» Я отвечал на автомате, отработанными, пустыми фразами. «Всё нормально, мам. Просто устал. Лабы сложные. Преподы заваливают». Каждое слово лжи казалось мне сейчас тяжёлым и липким, как та смола, что текла со стен в тоннелях. Но альтернативы не было. Я не мог рассказать ей правду. Её мир, хрупкий и построенный на вере в то, что её сын умница, не выдержал бы такой правды. Я поцеловал её в щёку, чувствуя под губами её тонкую, морщинистую кожу, и попросил не беспокоиться. Сказал, что просто посплю, и всё будет в порядке.

Она поверила. Или сделала вид, что верит. В её глазах осталась тень тревоги, но она кивнула, забрала пустую тарелку и отвернулась мыть посуду. Её доверие било по мне сильнее любого упрёка.

Несмотря на смертельную усталость, которая тянула ко сну, как огромный магнит, я направился не к кровати, а к своему старенькому компьютеру в углу комнаты. Смертельный холод сменился внутренним жаром, лихорадочным зудом в кончиках пальцев. Мне нужно было знать. Нужно было понять. Сейчас. Сию секунду.

Я запустил систему. Шум кулера казался невероятно громким в тишине комнаты. Я не стал заходить в обычные браузеры. Вместо этого я запустил другой, специальный браузер с кучей плагинов для обхода блокировок и маскировки цифрового следа. У меня был доступ к нескольким подпольным форумам и чатам, куда сливали информацию о магическом мире, об артефактах, о странных явлениях. Места, где общались такие же, как я – курьеры, мелкие торговцы запрещённым, информационные брокеры и просто любопытствующие «сведущие». Увы, это всё, что было мне доступно, в настоящий темный интернет я соваться попросту боялся.

Я не был неграмотным дураком. Обрывочное образование в институте до отчисления, тонны прочитанной в детстве фантастики и мифологии, а главное, месяцы работы в этой серой

зоне дали мне хоть какие-то ориентиры. То, что я видел… это не было простым проклятьем рядового мага. Это не было случайной мутацией. Слишком архетипично. Змеи вместо волос. Женщина-чудовище, одинокая и печальная.

Я набрал в строке поиска на одном из форумов, защищённом паролем: «Горгона. Современные свидетельства».

Выдало несколько тем. Большинство – пустые спекуляции, пересказы мифов, смешанные с фантазиями пользователей. «Видел в тоннелях под Москвой», «Мой прадед охотился на такую в Карпатах». Мусор. Но я методично пролистывал. Искал конкретику. Даты. Места. Описания, которые бы совпадали.

Потом я полез глубже. В закрытые архивы, за доступ к которым нужно было платить криптовалютой или выполнять мелкие поручения. У меня не было ни того, ни другого. Но я знал пароль от одного старого, заброшенного аккаунта информатора, который мне когда-то продали за крупную сумму.

Здесь информация была уже другой. Сухой, безэмоциональной, почти бухгалтерской, как у того нанимателя. Каталоги «аномальных биологических форм». Классификации. Упоминания о «субъектах с признаками териоморфизма высокой степени». И среди них–- строчки, которые заставили моё сердце застучать чаще.

«Класс: Горгониды. Последнее подтверждённое наблюдение: 1742 год, побережье Эгейского моря. Субъект нейтрализован местными охотниками на нечисть. С тех пор вид считается предположительно вымершим. Отдельные неподтверждённые сообщения о схожих фенотипах поступали из региона Северного Кавказа (1888), Карпат (1911), Приморья (1937). Достоверность низкая. В текущем столетии зафиксированных встреч нет. Теории: вырождение вида из-за сокращения магического фона; миграция в недоступные для наблюдения слои реальности (подземные, подводные). Угроза: Дельта-плюс (при пробуждении архаичных инстинктов или полной трансформации)».

Вымершие. Или спрятавшиеся. Последний раз – почти триста лет назад. И то, в Греции. Где Эгейское море, белый камень, оливковые рощи. А где Новосибирск. Промёрзшая Сибирь, бетон, стальные магистрали, Обское море-водохранилище. Расстояние не только географическое. Это разные миры. Разные стихии.

В моей голове ничего не складывалось. Какого хрена горгона забыла в подземках Новосибирска? Что могло заставить такое существо, укоренённое в средиземноморских мифах, мигрировать сюда, в самое сердце Евразии? Бегство? Охота?

Я стал копать дальше. Искать не самих горгон, а причины, по которым они могли бы перемещаться. Миграции магических существ. Влияние геомагических линий. «Точки силы». Я наткнулся на теорию, что некоторые древние существа привязаны не к месту, а к определённому типу мест. Горгоны – к местам печали, заточения, к каменным лабиринтам и подземным водам. Новосибирск, с его лабиринтом метро, коллекторов, затопленных старых районов, с его гнетущей, промышленной меланхолией… теоретически, мог подойти. Но это была натяжка. Отчаянная попытка логики натянуть сову на глобус.

Я искал пересечения с Сибирью. Греческие следы. Мифы о гипербореях, о северных народах. Нашёл упоминания о греческих торговцах на Шёлковом пути, но это было не то.

Потом я сменил тактику. Перестал искать глобально. Начал исследовать локально. «Странные явления в метро Новосибирска». «Аномалии в коллекторной системе». «Исчезновения в районе метро». Часть информации была откровенным бредом. Часть – сухими сводками УКАР о задержаниях мелких нарушителей.

Я понял, что мозг уже отказывался работать. Глаза слипались, буквы на экране начинали плыть и двоиться. Голова гудела, как трансформаторная будка. Физическое истощение брало своё. Но любопытство, это чёртово, жгучее, ненасытное любопытство, было сильнее.

Я искал дальше, уже почти в полубреду. Но главного ответа не было. Кто она? Как она сюда попала? Почему одна? И что с ней делать теперь? Мифы говорили одно: взгляд горгоны обращает в камень. Персей убил Медузу, отрубил ей голову. Но та девушка… она не напала. Она испугалась, в её взгляде не было убийственной ярости, лишь грусть. И в камень я не обратился.

Я откинулся на спинку стула, закрыл глаза. Перед веками снова всплыл образ. Теперь уже чёткий, выжженный в памяти. Не чудовища, а девушки у стены, пританцовывающей под музыку с телефона. Сосредоточенная на своём рисунке. Одинокая в своей подземной вселенной.

Все найденные мной факты, слухи, обрывки – всё это было лишь мусором, пылью вокруг алмаза. Алмазом же была сама она. Не как мифологическое существо, а как личность. Девушка, которую кто-то, возможно, привёз сюда, или которая родилась здесь, обречённая на свою ужасную судьбу.

Я потянулся к новому, дешёвому телефону. Посмотрел на пустой список контактов. Потом открыл браузер и снова, в последний раз на сегодня, вбил запрос. На этот раз простой, в обычном поисковике: «Рисунки. Грусть. Одиночество. Современные художники».

Это было бессмысленно. Я это понимал. Но мне нужно было хоть как-то прикоснуться к её миру. К миру, где главным было не выживание и не магия, а выражение тоски через краску на грязной стене.

Экран поплыл перед глазами окончательно. Я вырубился, положив голову на клавиатуру. Последней мыслью перед тем, как провалиться в чёрную, бездонную яму сна, было не «я в опасности» и не «что мне делать». Последней мыслью было: «Как её зовут?»

Глава 4. "Попался"

Я проснулся от того, что всё тело пронзила тупая, ноющая боль, будто меня всю ночь молотили мешками с песком. Я открыл глаза и увидел знакомые потрескавшиеся обои, полку с книгами и тёмный экран монитора. Я сидел за своим компьютером скрючившись, голова лежала на руке, согнутой на столе. Шея отзывалась пронзительным спазмом при малейшей попытке пошевелиться.

На мне был накинут сине-белый вязаный плед, который обычно лежал на диване в зале. Мама, видимо, заходила и не стала будить, просто накрыла. Мысленно я поблагодарил её за эту маленькую, тихую заботу. Мама всегда была такой – не словами, а делами. Эта простая малость отозвалась в груди странной, сдавливающей болью. Я не заслуживал такой заботы. Не после всего, что я делал и что скрывал.

С трудом я разогнулся, суставы хрустели. Каждый мускул ныл, протестуя после вчерашних испытаний. Я чувствовал себя разбитой, старой машиной, которую загнали в хлам. Встал, потянулся, и боль в рёбрах напомнила об ударе о камень в тоннеле. Наверняка синяк расползся в большую гематому.

Компьютер был выключен, мама, наверное, выдернула шнур из розетки, чтобы «не жгло электричество». Ещё раз спасибо ей. Если бы она видела, что я искал вчера ночью…

В квартире царила тишина, нарушаемая лишь тиканьем старых часов в зале и отдалённым гулом города за окном. Мамы не было. Я посмотрел на прихожую – её тапочки стояли на месте, но пальто и сумки не было. Наверное, отправилась на рынок. Наш районный её уже не устраивал – «там дорого и несвежее». Она ездила за тридевять земель, на огромный оптовый, чтобы купить морковь на два рубля дешевле и выбрать «правильную» сметану. Я всегда считал это странной, почти маниакальной экономией. Но сейчас, стоя в пустой, тихой квартире, я знал, что дело не только в деньгах. Для неё это был выход в мир. Общение с продавцами, которые уже знали её в лицо, обсуждение цен, погоды, новостей. Небольшое путешествие на автобусе, возможность почувствовать себя частью чего-то большего, чем эти стены, где она жила в ожидании моего возвращения из «института». Это был её способ не сойти с ума от одиночества.

На кухне на столе меня ждал заранее приготовленный завтрак. Простой, без изысков. Два бутерброда с сыром и колбасой, аккуратно накрытые тарелкой, чтобы не засохли. Рядом – кружка, пакетик чая, сахарница. И небольшой кусочек торта, купленный в магазине по акции.

Есть я не хотел. В горле стоял ком, желудок был сжат в тугой узел от стресса и недосыпа. Я держал кружку в ладонях, чувствуя, как тепло проникает в закоченевшие пальцы, и смотрел в пар, поднимающийся к потолку.

Мысли путались, наскакивая одна на другую, как стая испуганных птиц. Обрывки вчерашних поисков, своды тоннелей, свет от телефона – и над всем этим её лицо. Я пытался анализировать, строить теории, но мозг отказывался работать в логическом ключе. Он выдавал только образы, ощущения. Прохлада её хвоста у моих ног, запах полыни и краски.

Я потянулся к телефону, лежавшему рядом на столе. Включил его. Чёрно-белый экран осветился, показав время и несколько иконок. И тут я увидел. В строке уведомлений – цифра «19» рядом с иконкой пропущенных вызовов. Все с одного и того же номера. Неизвестного. Но я знал, чей это номер. Номер того самого работодателя, его «рабочий» телефон, с которого он звонил курьерам только по самым важным, обычно неприятным, поводам.

Холодок пробежал по спине, сменив внутреннее тепло от чая. Образ девушки из подземелья мгновенно сдвинулся, уступив место холодной, цепкой панике, которая впилась когтями прямо под рёбра. Палец. Проклятый отрезанный палец колдуна, который я должен был доставить. Который я потерял. Который остался где-то в тоннелях или на дне Оби.

До меня наконец стало доходить, по-настоящему доходить, что это значит. Это был не просто сбой в работе. Не просто неудача. Это был потерянный артефакт. Запрещённый, дорогой, за которым стояли серьёзные люди с серьёзными интересами. Я даже не мог вообразить, сколько он мог стоить на чёрном рынке. Десятки тысяч? Сотни? А может, и больше, если он был ключом к какому-то ритуалу или носителем уникальных знаний. И эти деньги, эту ценность, я потерял. Просрал, проще говоря.

И отрабатывать их мне придётся очень долго. Очень. «Серый рынок», как обычно курьеры называли нашу работу, не была благотворительной организацией. Долги там возвращали сполна. И часто не деньгами. Работой. Опасной, грязной, бесплатной работой, пока долг не будет считаться погашенным. А учитывая сумму… это могли быть годы жизни, отданные в рабство этим подпольным конторам. Годы риска, унижений, страха. Или более быстрый, но о нем я даже думать отказывался.

Я сидел, сжимая в руке телефон, и смотрел на эти девятнадцать пропущенных. Значит, получатель пальца уже сообщил о срыве поставки. Или, может, сами «поставщики» вышли на след через свои каналы. Неважно. Факт был в том, что я был в долгу.

Рука дрогнула. Инстинктивно я почти набрал номер, чтобы перезвонить, что-то объяснить, попытаться выкрутиться. Но пальцы замерли над клавишами. Что я скажу? «Простите, на меня напала горгона в тоннеле метро, и я уронил палец в Обское море»? Меня просто закроют за проникновение в тоннели метро, пришлют «человечка» для выяснения обстоятельств на месте. Или скажу правду – что меня гнали агенты УКАР, и я прыгнул в тоннель? Это признание собственной некомпетентности и слабости, что в их мире было ещё хуже лжи. Нет, звонить было нельзя. Пока я молчал, у меня ещё был какой-то призрачный шанс. Шанс, что они подумают, я скрываюсь от УКАР, что я в бегах, но артефакт при мне. Как только я позвоню и скажу, что потерял его, я подпишу себе приговор.

Страх был настоящим, физическим. Он сжал горло, перехватил дыхание. Я отодвинул телефон, как отодвигают раскалённый уголь. Нет. Пока не буду звонить. Не могу.

Я закрыл глаза, пытаясь унять дрожь в руках. Вернулся к кружке с чаем, сделал глоток. Горячая жидкость обожгла язык, но это ощущение, живое и болезненное, помогло немного прийти в себя. Сейчас, в квартире, я был в относительной безопасности. С горячим чаем на столе, с кусочком торта, с пледом на плечах, я был в относительной безопасности. Работодатель и его люди не знали моего настоящего адреса – все контакты велись через одноразовые номера и нейтральные точки. У них было только моё описание и кличка «Тихий». Пока я не вышел на связь, пока не появился в известных им местах, найти меня им было сложно.

Значит, у меня было время. Немного. Возможно, день. Может, два. Пока они не решат, что я либо сбежал с артефактом, либо был «принят» УКАР, и не спишут меня со счетов, начав охоту уже не как на курьера, а как на вора или мёртвого должника.

Я посмотрел на бутерброды. Заставил себя откусить один. Жевал механически, почти не чувствуя вкуса. Еда была необходима как топливо. Я должен был думать. Но мозг, зажатый между жерновами паники и усталости, отказывался выдавать планы. Единственное, что пробивалось сквозь этот хаос, – образ из подземелья. Странно, но мысль о ней, о той девушке-чудовище, сейчас казалась почти успокаивающей. Она была настоящей. Всё это было чище, проще, чем грязные денежные разборки и долги перед подпольными дельцами.

Я доел бутерброд, выпил весь чай. Время, отпущенное мне на покой, утекало но я решил продлить его хотя бы на полчаса. Чтобы просто посидеть на кухне, в тишине, с пустой кружкой в руках. Чтобы попытаться собрать осколки мыслей в какую-то внятную картину. Чтобы понять, что делать дальше. Бежать из города? Но куда и на что? Сдаться «рынку»? Это было равносильно самоубийству. Оставаться здесь, скрываться? Рано или поздно меня найдут либо они, либо УКАР, когда опять полезу куда-нибудь за деньгами.

Или… или был третий путь. Самый безумный. Вернуться туда, в подземелье. Не за пальцем – его уже не найти. Попытаться найти её снова. Потому что она была единственной зацепкой к чему-то большему, к какой-то другой реальности, которая безудержно влекла меня.

Это, конечно, авантюра заведомо проигрышная. Но разве мое текущее положение лучше? Я был загнан в угол со всех сторон. Возможно, единственный шанс выбраться – это ринуться в самую гущу той, иной опасности. В надежде, что в её тени можно будет спрятаться от всех остальных.

Я вздохнул, поставил кружку в раковину. Моё время покоя истекло. Нужно было действовать. Первым делом убрать все следы. Старую, мокрую одежду со вчерашнего дня, которая могла засветиться на камерах. Выбросить так, чтобы никто не нашёл. Я собрал всё в чёрный мусорный пакет, завязал его, потом сунул в другой, на всякий случай. Спрятал под куртку. Взял старый рюкзак, накинул его на одно плечо. В нём вода, немного еды, фонарик, который нашёл в ящике со старым хламом.

Я оделся в другой комплект одежды – тёмные джинсы, чёрную толстовку с капюшоном, потрёпанные кроссовки. Всё старое, ничего броского. Я не собирался возвращаться на ту же станцию, откуда началось вчерашнее бегство. Там сейчас наверняка было неспокойно. Но та сеть тоннелей была огромной. Нужно найти другой вход. Другой спуск в подземный мир, который, как я теперь знал, таился гораздо глубже и страннее, чем казалось.

Я решил отправиться к одной из соседних станций «Площадь Ленина». Нужно было держаться подальше от всех мест, где я обычно ошивался, от моих привычных маршрутов. Поэтому я пошёл пешком до остановки в другом конце района и сел не на свой привычный автобус, а на троллейбус, который шёл длинным, петляющим маршрутом через спальные районы. Я ехал, уставившись в запотевшее стекло, стараясь не встречаться ни с чьим взглядом. Каждый стоп-сигнал, каждый резкий гудок заставлял меня вздрагивать. Каждая фигура в серой униформе, мелькавшая на тротуаре, заставляла сердце бешено колотиться.

Я вышел за три остановки до нужного места, на почти пустынной улице, застроенной гаражами и низкими складами. Решил пройтись пешком оставшийся путь, чтобы осмотреться, проверить, нет ли за мной хвоста. Воздух был холодным, сырым, с запахом мазута и прелой листвы. Я шёл, засунув руки в карманы, опустив голову, но глаза постоянно бегали по сторонам, сканируя округу.

Именно тогда меня окликнули.

– Эй! Тихий! Сашка!

Голос был знакомым, немного гнусавым. Я резко обернулся, и в груди разлился ледяной страх, моментально сменивший настороженность. Это был Коля. «Кольчуга», как его звали в наших кругах. Один из курьеров, такого же уровня, как я, может, чуть повыше. Мы иногда пересекались на разборках заказов, делились информацией о «засвеченных» маршрутах. Он был не плохим парнем, по меркам нашего ремесла. Не подставлял, не жадничал. Но он последний, кого я хотел видеть.

Он стоял у входа в один из гаражей, курил и теперь махал мне рукой, широко улыбаясь. Увидел моё лицо и, видимо, принял испуганное оглядывание за удивление. Он швырнул бычок и быстро подбежал, потирая руки от холода.

– Блин, Тихий, где ты пропал? – Из него сразу полился поток слов. – Все ищут тебя, чувак! Твой наниматель, тот в пальто, звонил всем, у кого есть твой контакт! Говорит, срочная доставка сорвалась. Ты чего, просрал дело? Где был?

Его глаза были полны не столько беспокойства, сколько живого, жадного любопытства. Скандал, ЧП в нашей тихой паутине – это было событие. Я чувствовал, как под толстовкой проступает холодный пот.

– Всё в порядке, – выдавил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Просто… сложности. Не могу говорить. Слушай, Коля, пожалуйста, как друг, – я сделал ударение на последнем слове, – не говори никому, что видел меня. Ни слова. Окей?

Он смотрел на меня, и любопытство в его глазах сменилось настороженностью и даже лёгкой обидой.

– Да ладно тебе, Тихий, мы же свои. Что за секреты? Тебе же помочь могут, если что. Или ты… – он понизил голос, – ты его, артефакт-то, себе прикарманил? Серьёзно? Да ты ж гонишь, они тебя живьём сожрут за такое.

– Нет! – мой голос сорвался резче, чем я планировал. – Не прикарманил. Просто… нельзя говорить. Поверь. Просто молчи, что видел меня. Это… это вопрос не только денег.

Я посмотрел ему прямо в глаза, стараясь вложить во взгляд всю серьёзность, на которую был способен. Коля замялся. Он не был дураком и понимал, что если курьер пропал, а наниматель в ярости, то дело пахнет не просто неудачей, а чем-то гораздо более серьёзным.

– Ладно, – неохотно пробурчал он. – Не скажу. Но, чувак, осторожней. Тот тип… он не шутит. Уже двоих, кто с ним связывался и косячил, в больницу отвезли, специальную, для «сведущих». Говорят, они потом стали “овощами”, даже магию чувствовать перестали. Ты в курсе?

Я кивнул, сглотнув ком в горле. Я был в курсе. Такие слухи ходили. Но слышать это сейчас, зная, что я – следующий в очереди, было в тысячу раз страшнее.

– Спасибо, Коль. Я… я потом всё расскажу. Обещаю. Как выкручусь.

Он хмыкнул, не веря, но кивнул.

– Смотри не пропадай совсем. А то за тобой уже не только твой наниматель присматривается. Слух пошёл, что УКАРовские камеры где-то засветили.

Это было новостью. Худшей из возможных. Значит, моё бегство по тоннелям не прошло незамеченным. Они могли не знать моего имени, но образ уже был. И если УКАР начнёт копать, связав инцидент в метро с потерянным запрещённым артефактом, то мне конец будет ещё быстрее, чем от рук «рынка».

– Понял, – коротко сказал я. – Я ухожу. Береги себя.

Мы попрощались кивками, и я развернулся, резко ускорив шаг. Спину будто сверлили насквозь его взглядом. Я не оглядывался, пока не свернул за угол гаражного ряда. Только тогда позволил себе остановиться, прислониться к холодной кирпичной стене и перевести дух. Сердце колотилось, как отбойный молоток. Это было плохо. Очень плохо. Коля мог и промолчать, но мог и проболтаться – случайно, чтобы блеснуть инсайдерской информацией. А ещё хуже – он мог решить заработать на мне, слив информацию о моём местонахождении за вознаграждение. В нашем мире дружба стоила недорого.

Я шёл дальше, стараясь не привлекать внимания, но теперь каждый прохожий, каждая машина, притормаживающая у обочины, казались потенциальной угрозой. Однако, по мере того как я приближался к нужному району, к той самой станции, страх немного отступил, сменившись своего рода отупевшей решимостью. Я уже пересёк точку невозврата. Остановиться было страшнее, чем идти вперёд.

И вот, в момент, когда я уже увидел вдалеке знакомый грязно-жёлтый фасад старой станции метро, её круглую вывеску с потёртыми буквами и мне оставалось лишь перейти широкую дорогу, чтобы оказаться у входа, случилось это.

Я ступил на проезжую часть, посмотрел налево – дорога была пуста. Сделал шаг. И тут справа, откуда я не ждал, потому что там был глухой забор и тупик, с рёвом вывернул чёрный Гелик. Новый, наглый, с тонированными стёклами до черноты. Он не сигналил. Он просто резко, с визгом покрышек, подрезал мне путь, остановившись в полуметре от меня так, что я инстинктивно отпрянул.

Едва я опомнился, застыв в ступоре перед этой внезапно выросшей чёрной громадиной, как задняя дверь, обращённая ко мне, молниеносно открылась. Я не успел даже среагировать. Из темноты салона вырвалась огромная, волосатая, в чёрной перчатке рука. Она схватила меня за шкирку и ткань натянулась так, что дыхание перехватило. И потянула.

Сила была нечеловеческой. Меня втянуло внутрь с такой легкостью, словно я весил не больше, чем пакет с продуктами. Я полетел через порог, ударился головой о верхнюю часть дверного проёма и свалился на пол салона. Дверь захлопнулась с глухим, дорогим звуком. Машина тут же рванула с места, ускоряясь так резко, что меня прижало к ногам сидящих на заднем сиденье.

В салоне пахло дорогой кожей и сигаретами. Свет с улицы не проникал сквозь тонировку, только приглушённая подсветка салона выхватывала детали. Пол подо мной был покрыт мягким ковром. Рядом сидел тот, чья рука меня и втянула…

Я поднял голову, откашлявшись. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья, и смотрел на меня. Огромный, широкоплечий, в простой, но наверняка дорогой чёрной водолазке. Лицо – квадратное, с тяжёлой, ощетинившейся седой небритостью. Глаза маленькие, глубоко посаженные, как у кабана. Они смотрели на меня без эмоций, как на вещь, на проблему, которую нужно решить.

Рука, которая схватила меня, теперь лежала на его колене.

Я знал кто это. Мы называли его просто Мишка. Совсем не потому, что его звали Михаил, а из-за того, что это был оборотень-медведь. Правая рука хозяина «Рынка». Очень добродушный в общении, приятный в разговоре человек. Но все прекрасно знали на что он был способен и один взгляд на него пугал до дрожи в коленях.

«Коля, сука», – единственное что всплыло у меня в голове. Как же быстро он меня сдал.

– Успокойся, – сказал он. Голос был низким, хриплым, как скрежет гравия. – Не ори, не дергайся. Поедем, поговорим.

Я попытался отодвинутся, но его рука с такой силой сжала мою руку, что я едва не закричал.

– Я сказал – успокойся.

Я замер. Дышал часто и поверхностно. Мозг лихорадочно соображал. Машина ехала быстро, уверенно, сворачивая с улицы на улицу. Я не видел маршрута. Я видел только Мишку

– Палец, – произнёс он.

Я молчал.

– Где пальчик, Саш?

– Я… я его потерял, – хрипло выдохнул я. Врать было бесполезно.

– Как потерял?

– Меня… спалил УКАР. В метро. Пришлось прыгать в тоннель. Выронил.

Наступила пауза. Кабаньи глаза изучали меня.

– Ты знаешь, сколько он стоил?

– Нет.

– Много. Очень много. Две сотни… Его ждали. Теперь не дождутся. И очень расстроятся. А расстроенные люди… они злые.

Он помолчал, как бы давая мне осознать это.

– Короче, пока ты будешь работать дальше. Всё, что скажем. Куда пошлём. Без вопросов, без оплаты. Пока не сочтём, что отработал. Если, конечно, выживешь.

Он убрал руку с моего плеча. Я не двинулся. Боль в руке была очень сильной, после огромной лапищи Мишки.

– Первое задание уже есть. Сегодня ночью. Ты пойдёшь в одно место и принесёшь кое-что. Если принесёшь – молодечик. Если нет… – Он не договорил. Просто медленно сжал свой огромный кулак. Кости затрещали уже у него в руке.

– Ты же знаешь всё, чё тебе объяснять.

Дверь была заблокирована. Бежать некуда. Я сидел, сжимаясь от боли в плече, и смотрел в тонированное стекло, за которым мелькал знакомый, но сейчас такой враждебный город. Все мои планы, весь мой порыв вернуться в подземелье, к ней, казались теперь наивной, детской фантазией. Реальность вонзила в меня свои когти и теперь тащила в свою пасть.

Глава 5. "Упрямый дурак"

Меня высадили в какой-то промзоне на окраине Левого берега – среди серых корпусов заводов, гор щебня и полуразрушенных гаражей. Воздух здесь провонял пылью, мазутом и холодным декабрьским ветром. Мишка даже не посмотрел в мою сторону, когда я вывалился из машины на грязный снег. Машина только задержалась на секунду, а потом с рычанием рванула прочь, оставив ворох грязи на моих промокших кроссовках.

Я встал, потирая ноющее плечо, и смотрел ей вслед. Спокойной жизни у меня больше не будет. Это я понял четко. Но доставка Мишки – адская, смертельная, какой бы она ни была – назначена на ночь. А сейчас у меня было несколько часов. Несколько жалких, украденных часов.

И я решил потратить их на самое безумное, самое бесполезное и единственное, чего хотел по-настоящему. Попытаться найти путь к ней, где мой шаткий мир вывернули наизнанку.

Я каким-то чудом, на трех автобусах, петляя и постоянно оглядываясь, добрался до района «Речного вокзала». Страх был холодным, липким комком в горле, но я старался не подавать вида. Шагнул в вестибюль, прошел через турникеты, чувствуя, как камеры наблюдения сканируют мое лицо. Возможно, сейчас где-то в УКАР замигала тревожная лампочка. Или нет. Может, они уже потеряли интерес к заурядному беглецу, которого так и не поймали. А возможно я и вовсе зря переживал.

Утро, час пик в самом разгаре. Людской поток выносил меня на платформу, к заветной красной ветке. Я сел на лавочку в дальнем конце, у самого входа в тоннель, откуда вчера бежал. Теперь мне нужно было понять, как снова шагнуть туда, за черту. Как исчезнуть на глазах у сотен людей и десятков камер.

Сидя, стиснув челюсти, я наблюдал как составы приходили и уходили, выплевывая и поглощая толпы. У дежурной по платформе, женщины в синей форме с флажками, был свой ритм. Она выходила к краю платформы за несколько секунд до прибытия поезда, поднимала флажок, следила за посадкой, а потом, когда двери закрывались, делала несколько шагов вдоль состава, заглядывая в щель между вагоном и платформой - отработанный жест, чтобы убедиться, что никого не прижало.

И вот, когда подошел очередной поезд и народ хлынул в двери, я встал. Я стал частью потока, двинулся к входу в вагон, будто опаздываю и спешу запрыгнуть в состав. В самый последний момент, когда двери уже начали сходиться, я резко свернул влево, прочь от выхода, вдоль борта вагона. Мне навстречу шла та самая дежурная, опуская флажок. Я сделал вид, что споткнулся, неловко толкнув плечом мужчину с портфелем. Тот, не ожидавший, пошатнулся и налетел на женщину-дежурную. На секунду её внимание было приковано к недовольному пассажиру. Этой секунды хватило.

Я рванул. Два быстрых шага и прыжок в чёрную щель за хвостом уходящего поезда. Шум состава, и я снова летел в темноту, ударяясь коленями и локтями о шпалы, стараясь не задеть рельсы. Боль пронзила всё тело, но я тут же вскочил на ноги, отряхиваясь. Позади, на ярко освещенной платформе, жизнь шла своим чередом. Никто не кинулся в погоню.

Сработало.

Я включил «сглаз». Очки, пережившие вчерашнее изгнание, замигали, но работали. Зелёная призрачная нить тут же проступила в воздухе, уводя вглубь туннеля. В этот раз я не бежал как угорелый. Я шёл быстро, но осторожно, прислушиваясь к каждому звуку. Фонарик не стал включать – его свет мог выдать меня патрулю или, что хуже, системам наблюдения УКАР, если они были вмонтированы и здесь.

Ветер встречного состава едва не сорвал меня с ног, прижав к мокрой, маслянистой стене. Шум был оглушающим – грохот колёс, визг тормозов, сдавленный рёв двигателя – всё это

слилось в единый физический удар по телу. Я прижался к выступу, вжав голову в плечи, и ждал, пока поезд не пронесётся мимо. Казалось, он никогда не кончится, этот бесконечный, злой металлический змей.

Когда последний вагон скрылся в темноте, а шум отполз вдаль, оставив после себя лишь густое, давящее эхо и звон в ушах, я смог, наконец, выпрямиться. Вокруг пахло ржавчиной и сыростью – знакомый, уже почти родной запах.

С трудом вытащил из внутреннего кармана фонарик. Желтый луч вырвался во тьму, уперся в гравий под ногами, в блестящие от влаги рельсы. Я посмотрел на «сглаз». Очки работали, хоть и с помехами. Зелёная, призрачная нить висела в воздухе, уводя вглубь.

Первый шаг. Потом второй. Ноги были тяжелыми, ватными от усталости и страха, но я заставил их двигаться. Шёл, почти не отрывая ступней от шпал, скользя по мокрому камню. Каждый звук – капля воды, далекий гул поездов, скрип где-то вверху – заставлял меня замирать, прижиматься к стене.

«Сглаз» вёл безошибочно. Вот тот самый поворот в служебный карман. Вот узкий лаз, почти незаметный в бетоне, если не знать, куда смотреть. Я протиснулся внутрь, нащупал в темноте холодный металл люка. В этот раз он поддался легче. Я спустился по скрипучей железной лестнице вниз.

И снова удар ледяной воды по ногам. Коллектор. Тяжелый, спертый воздух. Я включил фонарик, прикрыл пальцами, и луч, пробиваясь сквозь них, выхватил из мрака знакомую картину: узкий коридор, покрытый слизью бетон, черную воду под ногами.

Я поплелся вперед, согнувшись почти вдвое, борясь с паникой, которая поднималась комом в горле. Казалось, я иду вечность. Время в этой тесноте теряло смысл. Оно измерялось только хлюпаньем воды, скрипом подошв по склизкому полу и бешеным стуком сердца. Я уже почти начал сомневаться, не ошибся ли я, не заблудился ли, как вдруг пространство над головой расступилось.

Я вывалился в просторный, сводчатый тоннель. Выпрямился, задышал полной грудью. Здесь было сухо. Посветил фонариком вокруг. Да, это было то самое место. Те самые древние кирпичи, тот самый узкий жёлоб посредине с едва журчащей водой.

«Сглаз» ожил. Зелёная тропа вспыхнула на полу с неоновой интенсивностью, указывая вперед. Сердце заколотилось сильнее. Я пошёл, почти бежал, шлепая мокрыми кроссовками по каменной кладке. Каждый шаг приближал меня к тому месту. К тому самому сухому коллектору в конце лабиринта.

Вот он – поворот. Низкий арочный проход. Я пригнулся, протиснулся. Вот она – полуразрушенная каменная лестница вниз. Я спустился, цепляясь за выступы.

Сухой, холодный воздух тоннеля заполнил лёгкие. Я стоял, спиной к прохладной каменной кладке, и смотрел в пустоту там, где вчера горел фонарь и лилась музыка. Сейчас здесь царила лишь глубокая, выжидающая тишина, нарушаемая редким капаньем воды вдалеке и собственным учащённым дыханием.

На стене, едва различимый в отблесках моего фонарика, застыл её рисунок. Русалка. Незаконченная. Хвост был тщательно прорисован, каждая чешуйка переливалась даже в этом тусклом свете, а вот лицо... лицо оставалось лишь намёком, абрисом с грустным наклоном головы. Словно замерла в нерешительности, оставив пустоту вместо взгляда.

«И чего я ждал?» – пронеслось в голове, горько и безнадёжно. Разве могло это место, это подземелье, стать чьим-то домом? Она испугалась, сбежала, отшвырнув меня на поверхность как ненужный хлам. Картина служила лишь призрачным доказательством, что всё это не сон. А я, глупец, снова спустился сюда, руководствуясь смутным щемящим чувством где-то под рёбрами.

«Сглаз», однако, молчал. Его призрачная тропа, приведшая меня сюда, упрямо упиралась в эту стену, не предлагая обратного пути, не указывая дальше. Очки словно говорили: «Ты здесь. Жди». Ждать чего? Привидения? Чудовища, которое может не вернуться никогда?

Без толку оглядел пространство. Тот же камень, та же пыль. Ни намёка на телефон, на колонку. Она забрала свои вещи, или они канули в темноту вместе с ней. Отчаяние начало подползать тихой, холодной волной. Что теперь? Вернуться к Мишке и его смертельному поручению? Смириться с новой участью беглого должника? Всё внутри сжималось от бессилия.

Глубокий, бессмысленный вздох вырвался наружу, эхом отозвавшись в сводах.

– Хотел бы я... ещё раз увидеть её, – прошептал я в тишину, слова повисли в воздухе, немым признанием собственного безумия.

И в этот миг, в самой гуще мрака за границей света фонаря, что-то сдвинулось. Две точки. Два бледно-жёлтых уголька, вспыхнувшие на мгновение и погасшие.

Лёд пробежал по спине. Сердце замерло, потом ударило с такой силой, что в висках застучало. Я не успел среагировать, не успел даже инстинктивно отпрянуть.

Тьма передо мной сгустилась, приобрела плоть, движение – стремительное, смазанное. Что-то огромное, пластичное и невероятно быстрое рвануло из темноты. Это не был удар. Скорее, наскок, столкновение с живой, упругой стеной. Воздух вырвался из лёгких со свистом. Почва ушла из-под ног. Мир перевернулся, закружился в калейдоскопе мелькающих камней, пыли и черноты. Спина ударилась о пол, боль резкой волной откатилась от позвоночника. Фонарик вылетел из руки, покатился, луч его заплясал по сводам, выхватывая обрывки картины.

А потом над собой я увидел её.

Она нависала, изогнувшись дугой, заполняя собой всё пространство над моим распластанным телом. Тот же ужас из мифов: чешуйчатая кожа, отливающая в отблесках света синевой и ядовитой зеленью, зияющая пасть с игольчатыми зубами. Из-под съехавшего капюшона извивались и шипели те же живые змеи, их крошечные глазки-бусинки сверкали злобой. Но сейчас... сейчас её лицо не искажала прежняя, первобытная ярость.

Её огромные глаза в полутьме были широко раскрыты. В них не читалось агрессии, что напугала меня вчера. Вместо этого острейшее, хищное любопытство. Она изучала меня как диковинный, непонятный предмет, посмевший вернуться. Её бровь едва заметно приподнята. Этот жест, такой странно человеческий на лице чудовища, заставил меня забыть, как дышать.

Я не мог пошевелиться, не мог отвести взгляд. Сковало не магическое оцепенение, а чистейший, всепоглощающий ужас, смешанный с проклятым любопытством, что и привело меня сюда. Мы смотрели друг на друга – человек, пригвождённый страхом к полу, и существо из ночных кошмаров.

Она медленно, почти небрежно наклонилась ближе. От неё пахло полынью, такой приятный, теплый запах, от которого у меня замерло сердце. Змеи над её головой тянулись ко мне, разевая крошечные пасти. Зажмуриться бы, отшатнуться – но веки отказались слушаться. Только смотрел, зачарованный и обречённый.

Её рука с длинными, тонкими пальцами, кончики которых отливали синеватым оттенком, что и чешуя – резко метнулась к моему лицу. Я инстинктивно дёрнулся, но её пальцы вцепились в дужку «Сглаза». Резкий рывок – и очки слетели с переносицы, отлетели в сторону, зазвенев о камень.

Мир погрузился в иную темноту. Без «сглаза» подземелье стало просто чёрной, враждебной пустотой, лишь смутно освещённой далёким лучом фонаря. Но я по-прежнему видел её. На мгновение взгляды снова встретились. Её прищур усилился, чешуйки вокруг глаз исказились.

Голова закружилась от этого пронзительного, всепоглощающего контакта. Темнота вокруг поползла внутрь, заполняя мысли ватной, тяжёлой пеленой. Звуки отдалились: шипе-

ние змей стало далёким шуршанием, собственное сердцебиение – глухим, замедленным стуком где-то за гранью.

Последним, что запечатлелось в угасающем сознании, было её лицо. Оно словно колебалось на грани двух форм: чудовищной и той, человеческой, невыразимо прекрасной. И в самый миг, когда чёрная пелена накрыла с головой, мне показалось, что в этих зеленых глазах мелькнула искра чего-то, похожего на азарт?

Потом не стало ничего. Только глубокая, беспробудная, каменная тишина.

Сознание вернулось медленно, тягуче просачиваясь сквозь слои беспамятства. Первым пришло осознание холода. Каменный пол под спиной высасывал остатки тепла, оставляя лишь ломоту в костях. Потом – боль. Разлитая, тупая, исходящая от каждого мускула, от места удара о камень.

Я открыл глаза. Над головой – чёрный свод, непроницаемый для взгляда. Ни звука, кроме далёкого, вечного капанья воды. Попытка пошевелить пальцами руки увенчалась слабой, едва заметной дрожью в кончиках. Паника, острая и леденящая, ударила в виски: паралич. Она сделала со мной что-то, сломала, обратила в камень, как в мифах...

Но нет. С тихим, внутренним скрежетом, будто ржавые шестерни, тело начало отзываться. Не сразу, неохотно. Сначала веки, потом мускулы шеи. Голова повернулась на бок с мучительным усилием, тёрлась щекой о шершавую пыль. Взгляд, затуманенный, выхватил из мрака луч. Мой фонарик лежал в метре от головы, светил не вверх, а вдоль пола, рисуя на камнях длинное, узкое пятно бледного света.

И в этом пятне её силуэт.

Она сидела на невысоком обломке кирпичной кладки, спиной ко мне. Луч фонарика скользил по контуру её плеч, по тёмной ткани худи, по изгибу спины. Она сидела, свесив ноги и... болтала ими, совсем по-детски. Лёгкие, нетерпеливые движения пяток по воздуху. Змеи на её голове, видимо, спрятались под капюшон.

В её руках, ловких и уверенных, вертелся «сглаз». Она крутила очки за дужку, подносила к свету, разглядывая линзы, затем снова перебирала пальцами, изучая каждую царапину на оправе. Как учёный, нашедший непонятный, но потенциально интересный артефакт.

Я наблюдал за этим несколько бесконечных мгновений, пытаясь совместить образ чудовища, сбившего меня с ног, с этой девушкой, сидящей в лучах моего же фонарика. В горле скопился ком – смесь страха, изумления и нелепой надежды. Из груди вырвался стон, хриплый и беспомощный.

Она замерла. Не обернулась, но движение ног прекратилось. Голова чуть склонилась набок, будто прислушиваясь. Потом, медленно, почти нехотя, повернула её ровно настолько, чтобы я мог видеть профиль. Прямой нос, изгиб губ, тень от длинных ресниц. Она всё ещё не смотрела на меня.

– Упрямый дурак, – донёсся её шёпот. Голос был низковатым, немного хрипловатым, как от долгого молчания, но чистым.

Слова обожгли своей простой, неоспоримой правдой. Я и был дураком. Упрямым, самоуверенным, полезшим туда, куда не следовало, второй раз подряд. Но этот шёпот... он заставил дрогнуть что-то внутри, сжавшееся от страха.

Я собрал все силы, вытолкнул из пересохшего горла хрип:

– Кто... ты?

Вопрос повис в воздухе, никчёмный и наивный. Она проигнорировала его полностью, даже не пошевелившись. Вместо этого, после паузы, настолько долгой, что я начал думать, не оглох ли, она спросила сама. Голос прозвучал уже чётче, твёрже, но всё так же без эмоций:

– Чего тебе надо?

И боги... её голос. Теперь, когда он звучал не шёпотом, а полновесно, я смог его услышать. Он был... прекрасен. Не мелодичным, не певучим. В нём была странная, глубокая резо-

нансность, будто звучал не только в воздухе, но и отзывался где-то в камне, в самой толще земли. В этом голосе жила сила, древняя и сдержанная, и от этого он казался одновременно и хрупким, и незыблемым. У меня в груди что-то сжалось, перехватив дыхание. Я просто лежал, забыв про боль, и слушал эхо её вопроса, застывшее под сводами.

– Я... я Саша, – еле выдавил я наконец, понимая, что это не ответ на её вопрос. Но большего мозг выдавать отказывался. Имя прозвучало жалко, глупо, как визг щенка перед волком.

– Я не имя спрашивала, – её голос оставался ровным, но в нём появилась лёгкая, терпеливая усталость. – Чего тебе тут надо?

Она повторила вопрос, и он, простой и прямой, обрушился на меня всей своей невыносимой тяжестью. Чего мне надо? Бежать от Мишки? Искать спасения в мифе? Утолить своё проклятое любопытство? Спасти её? От чего? Мысли спутались, превратились в бессвязный, панический лепет где-то на задворках сознания.

– Я... хотел... – начал я и запнулся. Язык стал ватным, непослушным. – То есть... я... ты... вчера... – из меня вырывались лишь обрывки, бессмысленные звуки. Я чувствовал, как краснею от стыда за собственную беспомощность. Она выбила из меня всё: и страх, и ярость, и даже способность связно мыслить, оставив лишь растерянного, мямлящего идиота.

Она снова повернула голову, теперь уже чуть больше. Я увидел изгиб её щеки, уголок рта. Он дрогнул.

– Ты что, умственно отсталый? – спросила она. Вопрос прозвучал без издёвки, скорее с клиническим, диагностическим интересом.

– Нет, – ответил я почти машинально, голос окреп от внезапной дозы самолюбия. – Просто... растерян.

Из её стороны донёсся короткий, тихий звук. Не смех, а скорее хмыканье. Сухое, короткое.

– Ну-ка, попробуем, – произнесла она, и в голосе впервые прозвучали оттенки чего-то, похожего на решимость или простое нетерпение.

Она подняла «сглаз», который всё это время держала в руках. Медленно, с какой-то почти церемонной точностью, надела их. Очки с тёмными линзами сели на её переносицу, скрывая глаза. На мгновение она замерла, будто прислушиваясь к новым ощущениям. Потом, резко повернула ко мне лицо.

Теперь она смотрела на меня через мои же очки. Что она видела сейчас? Каким представал перед этим взглядом я – загнанный, испуганный, покрытый грязью и пылью человек в разорванной одежде?

Я застыл, затаив дыхание, ожидая... Чего? Что она вскрикнет от ужаса? Увидит во мне угрозу? Или, наоборот, прочтёт все мои жалкие тайны, все страхи, как открытую книгу?

Но ничего не произошло.

Тишина сгустилась, наполнив пространство между нами. Она сидела неподвижно, я лежал, не смея пошевелиться. Свет фонарика продолжал освещать её силуэт, теперь с двумя тёмными кругами линз на месте глаз. Я не видел её взгляда, но чувствовал его – пристальный, изучающий, пронизывающий.

Секунды растягивались в минуты. В ушах звенело от напряжения. Я ждал слова, действия, любого знака. Но она лишь смотрела. Может, «сглаз» показывал ей что-то невидимое мне. Может, она просто разглядывала мою душу, разложенную на составляющие магическим прибором. А может, и нет. Может, очки для неё были просто куском стекла и металла, и она ждала от них чего-то.

Мы стояли – точнее, она сидела, а я лежал – в этом немом противостоянии. Два существа из разных миров, разделённые самой природой существования, связанные теперь лишь лучом фонаря и парой украденных очков.

Глава 6. "Одиссея"

Она продолжала сидеть словно изваяние из тёмного камня в косом луче фонарика. Из-под наброшенного капюшона медленно, нерешительно показались тонкие змеиные головки. Они вытягивались, поворачиваясь на гибких шеях, и их крошечные чёрные глазки-бусинки озирали пространство с тем же недоумённым любопытством, что читалось во всей её фигуре. Они шипели негромко, подобно закипающему чайнику.

Правая её рука поднялась, длинные пальцы с зелеными, чуть заострёнными ногтями погрузились в клубящуюся массу змей у её виска. И она начала их… перебирать. Медленно, задумчиво, запутывая и распутывая чешуйчатые пряди. Жест был до боли человеческим, таким знакомым – жест девушки, глубоко задумавшейся над неразрешимой задачей. Эта обыденность, наложенная на абсолютно нетривиальную картину, сбивала с толка сильнее любого крика.

Казалось, причиной её шока был не я. Она молчала, а эта тишина становилась громче любого гула метро.

Я застонал, собирая волю в кулак, и с трудом приподнялся на локтях. Каждый мускул протестовал, кости ныли. Удалось сесть, прислонившись спиной к холодной кладке. Сидел и просто смотрел на неё, чувствуя, как выражение моего лица застывает в немой, глупой растерянности.

Терпение лопнуло. Тишина давила, требовала заполнения хоть чем-то.

– Чё? – вырвалось у меня, хрипло и резко. Один-единственный слог, вобравший в себя всю кучу вопросов, страхов и недоумения.

Она вздрогнула, словно вынырнув из глубокой воды. Пальцы замерли в её «волосах». Змеи притихли, насторожившись. Тёмные линзы «сглаза» по-прежнему скрывали её глаза, но я ощущал тяжесть её взгляда сквозь них.

– Ты… не вырубился, – произнесла она наконец. Голос звучал приглушённо, с лёгкой дрожью, будто её удивил не факт моего пробуждения, а сам звук её собственных слов.

– А должен был? – спросил я, не в силах сдержать саркастическую нотку. Боль и растерянность сделали его резче, чем я планировал.

Она не ответила сразу. Её рука опустилась, спряталась в складках худи. Другая – всё ещё сжимала дужку очков.

– Ну да, – сказала она тихо, почти про себя. – Я же… смотрю прямо на тебя.

Эти слова повисли в воздухе, наполненные каким-то странным, внутренним смыслом, который от меня ускользал. Она говорила не как о простом контакте глаз, а как о чём-то более значительном, о действии с последствиями.

И тут до меня начало доходить.

– Разве я… не должен был превратиться в камень? – спросил я тихо, больше думая вслух, чем обращаясь к ней. – Ты же… горгона. Верно?

Эффект оказался мгновенным и оглушительным.

Она резко дернулась, словно её ударили током. Её пальцы сжали дужку очков так, что костяшки побелели. Из-под капюшона раздалось гневное, коллективное шипение – змеи вытянулись в мою сторону, крошечные пасти раскрылись. А сама она издала резкий, отрывистый звук – нечто среднее между цоканьем языка и коротким, ядовитым шипом.

– Ненавижу это название, – прошипела она, и в её голосе впервые прозвучала настоящая, живая эмоция: глубокая, застарелая ярость, смешанная с отвращением.

– Никогда. Никогда так не называй.

Я инстинктивно отпрянул, ударившись затылком о стену. Руки сами взметнулись вверх в жесте мирной капитуляции.

– Прости! – выпалил я, голос сорвался на высокую ноту. – Я не… я просто… из мифов знаю… не хотел обидеть!

Она дышала тяжело, грудная клетка заметно вздымалась под тёмной тканью худи. Змеи постепенно успокаивались, втягиваясь обратно, но её взгляд прожигал меня насквозь. В нём стояла такая буря – обида, гнев, презрение – что я готов был провалиться сквозь каменный пол.

Прошло несколько напряжённых секунд. Гнев в её глазах понемногу отступал, сменяясь усталой, почти привычной горечью. Она отвела взгляд.

– Меня зовут Одиссея, – произнесла она наконец, тихо, но чётко. Голос ещё дрожал от остаточного напряжения. – Для друзей – Оди.

Она сделала паузу, давая словам осесть. Я молчал, боясь пошевелиться, переваривая это. Одиссея. Древнее имя, эпическое, полное странствий и испытаний.

– Оди, – осторожно повторил я, пробуя звучание. Оно вышло шёпотом, почти благоговейным.

Её голова резко повернулась ко мне. Брови снова сдвинулись, но теперь в её взгляде читалась предупреждение.

– Для друзей, – подчеркнула она, отчеканивая каждый слог. — А не для… хрена с горы. Хоть и любопытного.

«Хрен с горы». Это прозвучало так грубо, так по-сибирски простонародно, что на моём лице, вопреки всему, дрогнули уголки губ. Контраст между мифическим именем и этой резкой, земной фразой был поразительным. Это сбивало спесь, напоминало, что передо мной не иллюстрация из книги, а живое существо, которое, судя по всему, успело наслушаться и натерпеться от людей всего.

Она положила ладони на камень рядом с собой и скрестила голые ноги. Её поза говорила: «Терпение кончилось». Взгляд стал прямым, требовательным.

– Выкладывай. Чего тебе надо? – спросила Оди, и на этот раз вопрос прозвучал как ультиматум. Она готова была слушать, но её терпение висело на волоске. Очередная глупость, неверное слово и этот хрупкий, едва возникший мостик между нами мог рухнуть в пропасть.

Я сидел, чувствуя, как под этим пронзительным взглядом все мои предлоги, оправдания и полуправды рассыпаются в прах. Мишка, долг, УКАР, бегство – всё это казалось теперь мелкими, сиюминутными проблемами из какого-то другого, тесного и душного мира. А здесь, в подземелье, перед существом, назвавшим своё имя, требовался другой ответ.

Я замер, чувствуя, как под её взглядом все приготовленные отговорки рассыпаются в пыль. Они казались теперь жалкими, бумажными щитами перед чем-то настоящим. Здесь, в этой каменной утробе, перед существом, которое только что назвало себя и заставило почувствовать всю тяжесть своего неодобрения, требовалась иная валюта. Правда. Даже если она звучала как чистый бред.

Я собрал в кулак всю волю, всю оставшуюся гордость, и заставил себя выдохнуть, прежде чем страх снова запечатал мне рот.

– Увидеть тебя, – выпалил я, и слова прозвучали грубо, почти агрессивно, от напряжения.

Её брови – чёткие, тёмные дуги – взметнулись почти до линии капюшона. На её лице отразилось такое искреннее, безраздельное изумление, будто я объявил, что земля плоская.

– Меня? – переспросила она, и в голосе зазвучало недоверие, смешанное с возрождающимся подозрением. – Ты… точно не умственно отсталый?

Я замотал головой, уже не обращая внимания на колкость. Что-то внутри переломилось. Стены, возведённые страхом и осторожностью, рухнули, сметённые этой простой, нелепой правдой. Мне стало плевать, что она подумает. Плевать, сочтёт ли меня сумасшедшим, опасным или просто надоедливой мухой. Это нужно было высказать.

– Твоё лицо не выходит у меня из головы, – продолжил я, и голос, всё ещё хриплый, приобрёл странную настойчивость. – С того момента. Не то, что с… – Я махнул рукой в её

сторону, не решаясь сказать «страшное». – А это. Человеческое. Оно… – Я искал слова, но находил лишь жалкие клише. – Ты либо ведьма, что наложила на меня приворот, либо… я не знаю. Ваша эта древнегреческая магия или что-то такое!

Последняя фраза сорвалась с отчаянием. Я чувствовал себя полным идиотом, разглагольствующим о приворотах перед существом, чей взгляд, будь на то её воля, мог бы обратить меня в каменную глыбу.

И тогда случилось неожиданное.

Оди залилась смехом. Он вырвался из неё, казалось, против её воли, наполняя высокий сводчатый потолок тоннеля чистым, переливчатым эхом. Смех был ясным, почти детским, от души. Она запрокинула голову, и я увидел, как трясётся её шея, как дрожат плечи. Этот звук – такой живой, такой непритворный – казался здесь, среди сырости и камня, чем-то совершенно невероятным, волшебным. Даже её смех был… прекрасен. В нём не было ни капли фальши, лишь чистая, бьющая через край реакция на нелепость.

И это кольнуло. Глубоко и обидно. После моего сбивчивого, но искреннего признания такой ответ? Я нахмурился, сжал кулаки, чувствуя, как по щекам разливается жар стыда и досады.

Она, наконец, успокоилась, откинувшись назад и утирая тыльной стороной ладони уголок глаза. Её смех потихоньку стих, превратившись в тихое, довольное повизгивание, а потом и вовсе в лёгкую улыбку, игравшую на её губах. Она склонила голову набок, рассматривая меня с новым интересом – уже как забавного, нелепого зверька.

– Древнегреческая магия, – повторила она, и в голосе всё ещё дрожали остатки смеха. – Ты точно глупенький. Нет никакой «древнегреческой» магии. Ну, ладно, есть… но никаких приворотов и прочего вздора.

Она помолчала, собираясь с мыслями, её выражение стало серьёзнее, хотя лёгкая усмешка так и не покидала губ. Затем она вздохнула, и в этом вздохе прозвучала ощутимая тяжесть.

– Никаких приворотов я не накладывала. Хватило бы ума. – В её глазах мелькнула тень той самой, недавней ярости. – Если бы могла что-то накладывать, начала бы с того, чтобы меня здесь не было.

Она вытянула ноги, босые пятки упёрлись в холодный камень. Её взгляд снова стал оценивающим, но теперь в нём появилась тень, не то чтобы сочувствия, а скорее снисходительного понимания.

– Так что этот бред про «лицо в голове» – это твои личные проблемы, хрен с горы. Мозг у тебя, видимо, так от потрясения и сработал. Увидел что-то странное и прицепился. Обычная шоковая реакция.

Она говорила это так убеждённо, так логично, что у меня на секунду закралось сомнение. А вдруг и правда? Адреналин, стресс, встреча с невозможным… Мозг ищет точку опоры, цепляется за единственный яркий образ, пытаясь его рационализировать. Но щемящее чувство в груди, тот самый «бред», не желал слушать логику. Оно было упрямым и жгучим.

– А почему тогда… – начал я, запинаясь, – почему я не… ну, ты знаешь. Не обратился в камень, когда ты смотрела?

Этот вопрос, казалось, вернул её к началу нашего странного диалога. Её улыбка померкла. Она потянулась к очкам на переносице и постукала по душке пальцами.

– Не знаю, – призналась она честно, и в её голосе снова зазвучало недоумение. – Может, в этих твоих штуках дело. А может… – Она пристально посмотрела на меня, и её взгляд стал пронизывающим, почти физическим. – Может, в тебе. Ты и правда какой-то неправильный.

Я снова нахмурился, ощущая странный дискомфорт от её пристального изучения. Быть «неправильным» в мире магии и подполья обычно означало лишние проблемы, а здесь это словно давало какую-то призрачную индульгенцию.

– Я, конечно, неправильный, – пробурчал я, больше себе под нос. – Но давай на всякий случай предположим, что дело в очках, и больше… проверять не будем, ладно?

Она не ответила, лишь слегка качнула головой, что можно было принять за согласие. Или просто за нежелание спорить.

– И вообще, – продолжил я, чувствуя, как разговор катится в абсурдное русло, но остановиться уже не в силах, – я думал, гор… ну, такие как ты, в древности обращали сразу. В камень. Без разговоров.

Оди фыркнула. Звук был резким, почти кошачьим.

– Может, мои предки и обращали, – сказала она с лёгким, усталым сарказмом. – Откуда я знаю? Иди, спроси у них.

Она махнула рукой куда-то в сторону темноты, будто указывая на невидимых древних греков, затерянных где-то в сибирских коллекторах.

- Нет. Если просто посмотрю, на прямом контакте глаз… то все просто отключаются. Теряют сознание. Каждый по-разному: кто-то сразу, кто-то через пару секунд, как ты. – Она пожала плечами, словно говорила о досадной технической неполадке. – А если захочу… если вложу в этот взгляд… ну, намерение, силу, злость… вот тогда уже в камень. Навсегда.

Она говорила об этом так спокойно, так буднично, что по спине пробежали мурашки. В её словах не было хвастовства, лишь констатация факта, как о свойствах кислоты или электрического тока… И это было так печально, так щемяще тоскливо.

– Вроде как… расколдовать можно, – добавила она после паузы, но в её тоне сквозила явная неуверенность. – Так, по крайней мере, в одной книжке, что я нашла, написано было. Но это я уже не знаю. Не проверяла.

Не проверяла. От этой фразы стало ещё холоднее. Значит, были те, на ком она «проверяла» первый эффект. И, судя по всему, они не приходили в себя, чтобы рассказать об этом.

Она выдохнула, резко поднялась с камня. Её движение было плавным, змеиным, и я снова невольно отпрянул. Она подошла ко мне совсем близко, шлёпая босыми ногами по полу. Мне пришлось немного вжаться в стену, но не от страха, а скорее от трепета и нахлынувшего возбуждения. Затем она вдруг поставила свою изящную, босую ногу мне на грудь и игриво произнесла.

– Ладно, Сашка странный хрен с горы, Поболтали. Чё дальше-то? Ты своё «увидеть» осуществил. Я тут, перед тобой. Что теперь?

Глава 7. "Не верю"

Что дальше? Хороший вопрос. Оди уставилась на меня, и в её взгляде не было ничего, кроме спокойного, почти профессионального интереса. Как будто я был паучком в банке, и ей любопытно, что он будет делать, когда крышку снимут.

А я действительно не знал. Я как дурак пёр сюда сквозь страх и холод, движимый одним смутным, навязчивым желанием – увидеть.

Увидел.

Ну и? Телевизор посмотрел и выключил. Поди, радуйся. Но экран-то не выключался. Он сидел передо мной, дышал, задавал неудобные вопросы и ждал логичных ответов. А их не было. Только пустота, страх перед «Мишкой» и это тягучее, необъяснимое чувство, которое привело меня сюда.

Я попытался подняться, оттолкнуться от стены, чтобы хоть как-то сократить дистанцию между нами, восстановить контроль над ситуацией. Но едва я двинулся, её нога упёрлась подошвой мне в шею, прямо между ключицей и горлом, и мягко, но неотвратимо прижала обратно к камню.

– Не-не, не пойдет, – произнесла она, и в голосе её не звучало угрозы, лишь спокойное, твёрдое указание. – Сиди. Не рыпайся. Пока ещё мясной, а не каменный. Отвечай.

Я почувствовал под щекой прохладную, гладкую кожу её ноги. От этого касания по всему телу прошла волна мурашек. Контраст между этим почти нежным прикосновением и абсолютной физической властью, которую она демонстрировала, сбивал с толка. Я стыдливо сдвинул ноги, будто пытаясь стать меньше и стараясь не выдать своих истинных чувств. Но её нога лежала на мне, как печать.

И тут во мне что-то вскипело. Не на неё – на себя. На собственную беспомощность, нелепость, отсутствие внятного плана. Злость вспыхнула горячей, едкой волной.

– Увидеть! – выпалил я, голос сорвался, став резким и злым.

Она даже бровью не повела. Её нога не дрогнула.

– Увидел. Дальше что, а? Вопрос все тот же, – повторила она с убийственным терпением.

– Да что ты пристала «дальше что, дальше что» ?! – взорвался я, уже не думая о последствиях. Страх горел в гневе. – Откуда я знаю, что дальше?! Захотелось мне! Потянуло! Понравилась…

Слова вылетели раньше, чем мозг успел их отфильтровать. Громкие, нелепые, вырванные из самого нутра. «Понравилась». Такое детское, такое глупое слово для описания этого смятения, этого страха, смешанного с одержимостью.

Я осекся, резко захлопнув рот, глаза расширились от ужаса перед собственной откровенностью. В ушах зазвенело.

Оди не шелохнулась. Её нога всё так же стояла у меня на шее, но её взгляд изменился. Пристальное изучение сменилось чем-то более сложным. Она склонила голову ещё сильнее, рассматривая меня так, будто я был не просто странным, а вдруг проявил какую-то новую, неожиданную черту. В её огромных глазах мелькнул глубокая, старая печаль.

Медленно, без резких движений, она убрала ногу. Подошва скользнула по моей куртке, и холодок прикосновения остался на коже. Она отступила на шаг, потом на другой, отошла к своему камню и села, поджав ноги. Её взгляд больше не давил, он стал отстранённым, направленным куда-то мимо меня, в темноту тоннеля.

— Зря ты пришёл, — произнесла она тихо, и её голос прозвучал устало, почти шёпотом. — Моё проклятие… оно отравляет всё кругом. Всё… людей, которые задерживаются рядом.

Она говорила не как предупреждение или угрозу, скорее, как обыденность. То, с чем она жила всю свою жизнь.

И эта покорность, эта принятая обречённость в её словах задела меня за живое сильнее, чем любой её удар. Во мне вспыхнулась знакомая до боли злость на эту несправедливость, на этот безысходный тупик, в который мы оба, казалось, были загнаны.

— Да мне всё равно! — рявкнул я, поднимаясь на ноги наконец. Колени дрожали, но я выпрямился во весь рост, сжимая кулаки. – Ты вон тоже явно не тут живёшь! А тоже пришла! Почему?

Она не весело усмехнулась и слегка прикусила нижнюю губу. Жест был на удивление обыденным, полным какой-то горькой иронии.

– Да, не тут живу, – согласилась она тихо. – Пришла. Знала, что ты вернёшься.

– Откуда? – выдохнул я, не в силах скрыть изумления.

Она фыркнула, и в этот раз усмешка стала откровеннее, почти снисходительной.

– Да ты свою дрянь чаще разбрасывай, – сказала она и, не меняя выражения, засунула руку в глубокий карман своего худи.

И достала свёрток.

Мир на миг сплющился, сузившись до этого небольшого, невзрачного комка, завёрнутого в свинцовую фольгу и чёрный воск. Я узнал его мгновенно. По форме, по размеру, по тому, как она держала его – без особой осторожности, но и без пренебрежения, просто как неприятную, но знакомую вещь. Проклятый палец колдуна. Я думал, он на дне, в иле, потерян навсегда.

Видя, как всё моё существо – взгляд, поза, дыхание – изменилось, как я буквально накренился вперёд, она лишь разочарованно подняла верхний уголок губы. Её глаза, такие выразительные, ясно говорили: «Ну вот. Так я и думала». И прежде чем я успел что-либо сказать, она бросила свёрток. Не резко, не со зла, а просто подбросила в мою сторону, как бросают кость собаке.

Я кинулся к нему, забыв про боль, про достоинство, про всё. Руки инстинктивно вытянулись, и я поймал свёрток, прижав его к груди с такой силой, будто это было моё собственное, вырванное из груди сердце. Тепло, знакомое жжение магии тут же просочилось сквозь слои ткани, обжигая ладонь. Шанс. Призрачный, хрупкий, но всё же шанс. Выкупить себя у Мишки. Избежать немедленной расправы. Вернуть себе хоть иллюзию контроля.

Только подняв голову, я поймал её взгляд. Она стояла, засунув руки обратно в карманы, и смотрела на меня. В её глазах не было злости. Было что-то похуже – холодное, спокойное разочарование. Лёгкая, почти незаметная брезгливость. Мой порыв, моя жадная, животная радость оказались слишком откровенными, слишком унизительными. Видимо, для неё всё встало на свои места с разительной ясностью: этот свёрток, эта «хреновина», как она его назвала, значила для меня куда больше, чем любые слова о «желании увидеть». Все мои признания, весь сырбор – лишь прикрытие для парня, потерявшего ценный груз и отчаянно ищущего его.

Я внутренне выругал себя, почувствовав, как по щекам разливается жар стыда. Я и сам не ожидал, что реакция будет такой мгновенной, такой неконтролируемой. Это был инстинкт выживания, заглушивший всё остальное. И он разрушил тот хрупкий, едва наметившийся мостик, который, казалось, возник между нами за минуту до этого.

– Забирай свою хреновину и проваливай, – произнесла она ровным, бесцветным голосом. – Второй раз я вытаскивать тебя не буду.

Она развернулась и медленно, не спеша, направилась в темноту. Её силуэт начинал растворяться во мраке за пределами угасающего луча фонарика.

Сердце ёкнуло, она уходила, уверившись в самом худшем. И я не мог этого допустить. Не из гордости, а потому что её вывод был… не совсем верен. Вернее, он был верен, но неполон. Палец был важен. Очень. Но он ведь не был единственной причиной.

Я вскочил на ноги, игнорируя протестующие мышцы, и кинулся за ней, шаркая мокрыми кроссовками по пыльному камню.

– Постой!

Она не остановилась, даже не замедлила шаг.

– Я не врал! – крикнул я ей вслед, голос срывался в тоннеле. – Я был уверен, что эта дрянь на дне Оби! Ты… ты, конечно, спасла мою жопу, что не выбросила его… – слова путались, я пытался быть благодарным, но получалось неловко и фальшиво. – Но я правда искал тебя! Я пришёл сюда не за ним!

Она остановилась. Не оборачиваясь. Её спина, прямая и утонченная, была обращена ко мне.

– Я тебе не верю, – сказала она тихо, но так, что каждое слово отчётливо долетело до меня. – Вы, люди, только и делаете, что обманываете. И делаете больно. Слова ничего не стоят.

– Я не такой! – вырвалось у меня, отчаянная, детская попытка откреститься от всего человечества.

Она лишь махнула рукой в мою сторону, не глядя, – жест полного, окончательного отторжения. «Отстань». И снова сделала шаг.

– Все вы такие…

Но потом замерла. Постояла так несколько секунд, словно взвешивая что-то. Наконец, обернулась. Её лицо в полутьме было неразличимо.

– Ладно, – произнесла она, и в голосе её звучала лишь усталая покорность. – Бери свой фонарь. Выведу тебя отсюда, хотя бы. А то заблудишься, свернёшь шею. Или… – Она сделала небольшую, зловещую паузу. – Притащишь ещё остальных таких же придурошных. А с этим мне возиться неохота.

Она ждала, скрестив руки на груди, давая мне время подобрать фонарик, который валялся на полу, испуская уже совсем жидкий, жёлтый свет. Её предложение было не гостеприимством, а попыткой поскорее избавиться от проблемы, от греха подальше. Вывести на поверхность, стряхнуть с себя, как пыль.

Я покорно шёл за ней, держа в одной руке фонарик, который уже больше походил на угасающую свечу, а в другой – свёрток, прижатый к телу так, будто боялся, что он оживёт и сбежит. Но мысли были не о пальце. Они целиком принадлежали фигуре, двигавшейся в двух шагах впереди.

Она шла беззвучно, её босые ступни казалось, лишь касались поверхности, не производя ни шороха, ни хлюпанья даже в местах, где вода покрывала пол тонкой плёнкой. Я же шаркал, спотыкался, моё дыхание звучало громко и неровно в звенящей тишине. Мой взгляд, против воли, прилипал к ней. К плавному изгибу спины под тёмной тканью, к движению плеч, к линии босых ног, мелькающих в полутьме. Они были удивительными – не просто красивыми, а какими-то… правильными. Совершенными в своей простоте.

Иногда, когда она проходила ближе, до меня долетал её запах. Не тот, что был в момент её ярости – горький и травяной. Сейчас от неё веяло чистотой, похожей на запах вымытого дождём камня, и едва уловимой, прохладной сладостью, как у ночных цветов. Этот аромат ударял в голову, словно лёгкое опьянение. Я вдыхал его глубже, чем следовало, и на секунды забывал, где я, зачем иду, погружаясь в странное, почти сонное состояние. Потом вздрагивал, спотыкался о невидимый выступ и снова сосредотачивался на пути, чувствуя, как сердце колотится уже не только от страха.

Из-под свободного капюшона её худи то и дело появлялись змеиные головки. Они вытягивались, поворачивались, и их крошечные чёрные глазки-бусинки ловили отблески моего фонарика, сверкая холодным блеском. Они следили за мной с тем же любопытством, с каким я смотрел на неё.

Оди вела меня лабиринтом, который казался бесконечным. Мы сворачивали в ответвления, такие узкие, что приходилось пригибаться, проходили через завалы из обломков кирпича, мимо старых, ржавых труб, из которых сочилась вода. Я был уверен: здесь, в этих глубинах,

кроме неё, не ступала нога человека уже десятки лет. Этот мир принадлежал ей, и я был в нём непрошеным гостем.

Вдруг, не оборачиваясь, она бросила через плечо:

– Что ты пыхтишь?

Я осекся на полуслове, мысленно ругая себя за шумное дыхание.

– Что? – промычал я, переспрашивая скорее от неловкости.

Она замедлила шаг, наконец обернулась. В тусклом свете фонарика я увидел, как уголок её рта задрожал, а потом растянулся в лёгкую, почти невидимую улыбку.

– Слишком громко думаешь, – пояснила она.

Я удивился, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

– Ты что, мысли умеешь читать? – спросил я, и в голосе прозвучала нотка суеверного страха.

Она усмехнулась, на этот раз откровеннее.

– Нет. У тебя на моське всё написано. Яркими, кричащими буквами.

«Моська». Это уличное слово в её устах прозвучало так неожиданно, что я невольно фыркнул, но тут же смутился ещё сильнее. Её, казалось, моя растерянность только забавляла. Она развернулась и снова пошла, а я покорно поплёлся следом, пытаясь стереть выражение лица. Но мысли, в которых она меня якобы уличила, тут же полезли в голову с удвоенной силой. В основном, в тот момент, когда она повернулась и улыбнулась, в голове пронеслось одно, навязчивое, совершенно неуместное: «Боже, как бы я хотел поцеловать ее».

Мысль была такой внезапной, такой яркой и пошлой, что я внутренне ахнул и тряхнул головой, словно пытаясь стряхнуть её, как назойливую муху. Чёрт, а вдруг она и правда умеет читать мысли? Эта перспектива показалась страшнее, чем её шипящие волосы. Я изо всех сил попытался очистить сознание, думать о чём-то нейтральном: о погоде, о схеме метро, о вчерашнем ужине. Но образ её улыбки, чуть приоткрытых губ, возвращался снова и снова, заставляя сердце биться неровно.

Мы шли ещё какое-то время, и постепенно тоннель стал меняться. Стены стали ровнее, появились следы штукатурки, кое-где проглядывала побелка, осыпавшаяся крупными хлопьями. Воздух стал чуть менее спёртым. И вот мы вышли из низкого прохода в нечто грандиозное.

Я охнул. Звук вырвался непроизвольно, гулким эхом разнесясь по огромному пространству.

Передо мной расстилался широкий, высокий тоннель. Очень старый. Стены из массивных, почерневших от времени бетонных блоков. Посредине – рельсы. Не те полированные, блестящие пути современного метро, а толстые, массивные, покрытые толстым слоем ржавчины и пыли. Они уходили в темноту в обе стороны, теряясь из вида. Освещения не было, лишь мой жалкий фонарик выхватывал куски этого застывшего великана. По бокам тянулись широкие пешеходные дорожки, кое-где валялись остатки какого-то оборудования: ржавые ящики, скелеты старых тележек. Воздух здесь пах иначе, старой пылью, маслом, холодным металлом. Это был не просто коллектор. Это было инженерное сооружение, грандиозное и мёртвое.

Все слухи, все городские легенды, которые я слышал краем уха, всплыли в памяти разом.

– Это что… Метро-2? – прошептал я, ошеломлённо оглядываясь.

Оди, остановившаяся впереди, обернулась. Она стояла посреди этого гигантского забвения, и её фигура казалась такой маленькой, такой хрупкой.

– Ну, если у вас это так называется, – сказала она легко пожав плечами, – то да.

– А у тебя как? – спросил я, не в силах оторвать взгляд от ржавых рельс.

Она повернулась ко мне.

– Просто дом, – ответила она обыденно, как если бы кто-то спросил её о квартире в панельной пятиэтажке. И, видя моё остолбенение, добавила: – Тихо. Сухо. Больше никто не лезет. Разве что иногда крысы, но они умные. Быстро понимают, кто тут главный.

И она снова пошла вперёд, вглубь этого «дома» – секретного, заброшенного метро, ставшего убежищем для последней в Сибири горгоны. А я стоял, вжав в грудь свёрток с пальцем и потухший фонарик, и понимал, что мои представления о странностях этого города были жалко наивными.

Примерно через полчаса блужданий по лабиринту ржавых рельс, засыпанных пылью платформ и полуразрушенных арок, мы свернули в узкий, но прямой служебный коридор. Свежий, холодный воздух ударил в лицо, и в самом его конце, далёком и размытом, забрезжил слабый свет. Оди остановилась за пару метров до того места, где коридор упирался в тяжёлую, обитую сталью дверь с массивным засовом. Она стояла ко мне спиной, и я видел, как её плечи слегка опустились, будто сбросив груз. Молча, не оборачиваясь, она подняла руки к лицу. Пальцы нащупали дужки «сглаза». Она сняла их, держа перед собой зажмурившись. Оди протянула очки в мою сторону.

– На, забирай, – сказала она тихо, голос её звучал ровно, но устало. – И прощай.

Я медленно протянул руку. Пальцы коснулись прохладного металла оправы. Взял. Чувство было странным – будто забираю обратно часть себя, но при этом теряю что-то гораздо большее. Очки лежали на ладони. Я смотрел на её лицо, на брови, губы. Наверное, она ждала, что я уйду. Что повернусь и шагну к свету, к свободе, к своим проблемам, с «хреновиной» в кармане и своим артефактом на лице.

Но решение пришло мгновенно, ясное и неопровержимое, как удар молнии. Оно не родилось в голове, а вспыхнуло где-то глубже, в самой грудной клетке, жарким, упрямым угольком.

Я не стал надевать очки. Вместо этого сделал шаг вперёд, осторожно, чтобы не спугнуть. Поднял руку и так же медленно, давая ей время отреагировать, отдернуть руку, снова нацепил «сглаз» ей на переносицу. Линзы снова скрыли её глаза.

Оди вздрогнула, её плечи напряглись. Она не ожидала этого. С опаской, медленно, она приоткрыла глаза, глядя теперь на мир через тёмные стёкла. Её взгляд упал на меня, полный немого вопроса и настороженности.

– Оставь их, – голос мой прозвучал тише, чем я планировал, но твёрже. – Позволь мне… снова увидеться с тобой. – Я сделал паузу, подбирая слова, которые бы не звучали как очередная ложь или манипуляция. – Клянусь, если бы не угроза моей жизни там, наверху… я бы сейчас ни за что не ушёл. Даже если бы ты грозилась сделать из меня садового гнома на веки вечные.

Она хмуро посмотрела на меня сквозь линзы. Её брови сдвинулись. Потом она тихо, почти неслышно вздохнула. И улыбнулась. Печальной, усталой улыбкой, которая, казалось, жила на её лице постоянно.

– Ну, попробуй, – произнесла она просто. И развернулась, чтобы уйти.

Это было не «да», не «приходи». Это было «делай что хочешь, мне всё равно». Вызов, брошенный через плечо. И это было больше, чем я мог надеяться.

Она сделала шаг в темноту, спиной ко мне. И в этот миг что-то во мне сорвалось с цепи. Разум, осторожность, инстинкт самосохранения – всё это отключилось, захлёстнутое одной, всепоглощающей волной. Тело действовало само, повинуясь глупому, отчаянному импульсу, который копился всё это время, с того самого первого взгляда на её лицо.

Я сделал рывок вперёд. Рука моя осторожно, но уверенно обхватила её запястье. Она замерла, напряглась, но я уже придвинул её к себе. Она не сопротивлялась, будто ошеломлённая внезапностью. Её глаза за тёмными линзами были широко раскрыты. Я увидел в них отражение моего собственного, вероятно, безумного лица.

И я поцеловал её.

Это был скорее, отчаянный шаг, глупый, как поступок человека, прыгающего с обрыва, не зная, что внизу. Мои губы коснулись её – прохладных, мягких, пахнущих так маняще и сладко. Мир сузился до этого касания, до её замершей фигуры, до тишины, которая вдруг заглушила даже стук моего сердца.

Я оторвался, открыл глаза.

Её лицо было картиной чистого, абсолютного потрясения. Глаза за очками округлились, губы слегка приоткрылись. Даже её змеи, обычно такие подвижные, застыли. Они вытянулись из-под капюшона, замерли в воздухе, их крошечные головки были повёрнуты ко мне, и в их чёрных бусинках-глазках, казалось, читалось такое же немое недоумение, как и в её взгляде. Казалось, время остановилось.

А потом оно рвануло вперёд.

Её свободная рука метнулась с такой скоростью, что я даже не успел моргнуть. Хлёсткий, оглушающий удар обжёг мне щёку. Не со всей силы – мне кажется, я бы почувствовал бы тогда хруст костей – но достаточно резко и болезненно, чтобы звон в ушах смешался со звёздами, вспыхнувшими перед глазами.

Я отшатнулся, отпустив её запястье, прижав ладонь к горящей коже.

Оди стояла, дыша чуть чаще обычного. Она бросила на меня взгляд, полный неодобрения.

– Тебя мама не учила, что так делать без разрешения нельзя? – отругала она, и голос её дрожал от какого-то другого, сдерживаемого чувства.

Она больше ничего не сказала. Резко развернулась и почти побежала в темноту, вглубь своего «дома», растворившись в тени так быстро, что через пару секунд я уже не видел ничего, кроме чёрного провала тоннеля.

Но в самую последнюю секунду, прежде чем мрак поглотил её полностью, я успел заметить. В тусклом отблеске далёкого света из выходной двери, на её губах мелькнул блеск. Открытый рот, короткий оскал… нет, не оскал. Улыбка. Быстрая, непроизвольная, тут же спрятанная. Блеск ровных, белоснежных зубов.

И потом её не стало. Только я, горящая щека и горячий свёрток в кармане. И тишина, в которой теперь звенел не только удар, но и эхо её последних слов и тот, украденный мигом, блеск улыбки.

Глава 8. "Долг"

Я выбрался из подземелий через ту дверь, что показала мне Оди. Техническая дверь, к моему изумлению, не была заперта на замок. Толкнул её плечом, и она с тихим скрипом поддалась, выпустив меня в полуосвещённый служебный коридор станции «Красный проспект». Ещё пара поворотов, и я растворился в людском потоке, струящемся по бесконечным переходам.

В груди всё пылало, не только от физической усталости, хотя и её хватало. Это было странное, смутное чувство – смесь стыда, щемящей нежности от прикосновения к её губам, пусть даже оно закончилось пощёчиной, и глубокого, тревожного беспокойства. Я шёл и с каждым шагом, удаляющим меня от той двери, от входа в её мир, ноги становились тяжелее. Словно за мной тянулся невидимый канат, упруго натягиваясь и пытаясь дернуть обратно, в сырость и тишину подземелья, к её удивлённым глазам за тёмными стёклами и к тому мимолётному блеску улыбки.

Но канат, каким бы прочным он ни был, не мог разорвать другие путы – более грубые, железные и смертельно опасные. Проблема по имени Мишка висела на мне гирей, и время её решения истекло. Я посмотрел на электронные часы на стене перехода: обеденное время. А в нашем подпольном мире все, кто хоть немного крутился рядом с «Рынком», знали железное расписание его правой руки. Это был почти ритуал. Каждый день, с пугающей пунктуальностью, Мишка являлся в одно и то же место – популярную, не сказать, чтобы шикарную, но славящуюся качеством мяса шашлычную на площади Ленина. Его пристрастие к мясному не вызывало удивления, учитывая его природу. Говорили, он мог оценить не только вкус, но и его свежесть на каком-то зверином, глубинном уровне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.